

ОЛЬГА ТРУШКОВА

НЕ ДОГОНЯЙ ДАВНО УШЕДШИЙ ПОЕЗД

РАССКАЗЫ

Ольга Трушкова
Не догоняй давно
ушедший поезд. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17690909

ISBN 9785447456962

Аннотация

Разные люди, разные судьбы... Молоденькой учительнице в начале жизненного пути уготована встреча с самым настоящим выродком рода человеческого, а маленькому Стёпке из неблагополучной семьи ниспосланы кем-то свыше добрые люди, которые помогают ему найти место под солнцем. В одном ПТУ оказываются талантливый сирота Сергей Пряхин, прозванный Интеллигентом, и живущий по «понятиям» и под покровительством главы администрации дебил Черепанов. Знакомься, читатель, с разными людьми и их судьбами.

Содержание

Моим бесконечно любимым дочери Наталье и сыну Дмитрию посвящаю...	5
По шиверам да перекатам	6
Не догоняй давно ушедший поезд	8
1	8
2	17
Стёпкина Радость	24
Максимка	43
Подарок для Марьи	49
В неоплатном долгу	52
Пенки с топленого молока	52
Запоздалое покаяние	58
Она будет просто жить	63
1	64
2	70
3	76
4	86
5	91
Последние дни уходящего лета	97
Смело топчу я ногой...	101
Конец ознакомительного фрагмента.	118

**Не догоняй давно
ушедший поезд
Рассказы
Ольга Трушкова**

© Ольга Трушкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим бесконечно любимым дочери Наталье и сыну Дмитрию посвящаю...

*Чтоб мудро жизнь прожить,
Знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.*
Омар Хайям

По шиверам да перекатам

*Когда меня поставит на колени
Пытались властолюбия рабы,
Рвала узду я и в кровавой пене
Пред ними подымалась на дыбы.*

*Не всё сбылось, что грезилось когда-то —
Реальность ведь жестока и горька.
И всё по шиверам да перекатам
Несла меня моей судьбы река...*

*Ольга Трушкова,
Иркутск-Веренка,
2012 год.*

Не догоняй давно ушедший поезд

*Всякий человек есть homo, но не всякий homo
есть sapiens...*

1

Елена Сергеевна привычно открыла дверь подъезда электронным ключом, поднялась в лифте на шестой этаж и нажала кнопку звонка своей квартиры, хотя и знала, что дверь ей уже никто не откроет. Муж пять лет назад умер, а дети разъехались. Хорошо, что хоть младшие в родном городе остались, а вот старший сын за границу укатил. Теперь она одна царствует в своих трёхкомнатных хоромах.

Вообще-то, чего плакаться-то? Через час-другой, начнут трезвонить, а на выходные или дети пожалуют, или внуки подъедут. В будние дни ей самой некогда гостей принимать, хоть и на пенсии уже пять лет. Встречи с начинающими писателями, просмотр готовящихся к изданию стихотворных сборников, презентации – всё это поглощает уйму времени. А ещё огромная переписка.

Женщина прошла в комнату, включила компьютер, чтобы проверить электронную почту, но сначала зашла в «Одно-

классники». Сайт этот ей не нравился своей расхристанностью и пошлостью, но именно на нём предпочитают общаться с бабушкой её заграничные внуки.

Сообщения. Так, от подруг. От племянницы. А это от кого? Молодая пара на аватарке ей совершенно не знакома. Открыла текст.

«Здравствуй, Лена. Это Владимир. Сообщи мне о нашем сыне. Вы моя последняя надежда, хочу с вами связаться. Я живу в Киеве».

Елена Сергеевна сразу и не поняла, почему какой-то киевский Владимир спрашивает у неё о своем сыне, общем с некоей Леной? Потом дошло.

Поняла Елена Сергеевна, кто написал сообщение. Не поняла только, как хватило наглости у этого ничтожества напомнить ей о своём существовании? И не только напомнить, но ещё и посметь назвать Сергея их общим сыном? Сергея, которого он видел первый и последний раз сорок лет назад, когда ребёнку шёл второй годик, и о котором ни разу не вспомнил за все эти годы? А с чужой страницы зашёл, потому что вряд ли своя есть. Ведь чтобы её иметь, надо быть обладателем компьютера и приобрести хотя бы минимум знаний, необходимых интернет-пользователям. Вряд ли и то, и другое доступно ему, люмпен-пролетарию.

Елена Сергеевна хотела тут же позвонить сыну, но её оставила разница во времени. Женщина набрала текст: «У меня всё хорошо. Скажи папе, пусть позвонит, как только сможет. Желательно поскорее. Очень нужно!» Отправила это сообщение внучке Алине, старшей дочери Сергея и подумала вслух:

– Как же благоразумно я поступила, когда год назад попросила сына изменить свою фамилию в соцсетях на псевдоним, и всю их семью вместе с фотографиями удалила со своей страницы.

Год назад Елена Сергеевна узнала, что её разыскивает бывший муж. Нет, она не преступница, чтобы бояться быть обнаруженной. Она просто мать, которая не хочет, чтобы её сын попал в сети Дракулы.

Елена Сергеевна прошлась по комнате, потом присела в удобное кресло перед журнальным столиком и стала просматривать лежавшую на нём вчерашнюю почту, но поняла: ей сейчас не до газет и журналов. Она откинулась на высокую спинку кресла, закрыла глаза, и услужливая память перенесла Елену Сергеевну в далёкое время её молодости.

Оставляя за собой клубы жёлто-серой пыли, рейсовый ав-

тобус маршрутом Брагин – Крюки въехал в центр деревни и остановился. Лена вылезла из автобуса и оглянулась по сторонам. Где же школа? Надо, наверное, спросить.

– Что, девонька, видно, впервой здесь оказалась? К кому приехала-то?

Пожилая женщина с по-деревенски откровенным любопытством воззрилась на приезжую.

– Да мне в школу надо пройти, – голос девушки едва протиснулся в пересохшее от волнения горло.

– А, так вы новая наша настауница? По русскому языку? – догадалась нежданная собеседница и окликнула бегущего по своим делам сорванца лет восьми-десяти:

– Петька, бежи сюды хутчей! Проводишь учителку до школы. Да книги допоможи снести!

В учительской, несмотря на то, что рабочий день давно закончился, было многолюдно. Директор школы, Павел Иванович, ознакомился с направлением РОНО и прочими документами, после чего возложил бытовые заботы о новом члене своего коллектива на молодых учительниц. Энергичная математичка Галина Ивановна и несколько флегматичная, рассудительная физичка Валентина Фёдоровна принялись за дело, и через час с небольшим всё было решено: и с квартирой, и с питанием.

Новый человек всегда в деревне вызывает живой интерес, а, особенно, если это девушка. Не обошли своим внимани-

ем молодые люди и Лену. Некоторые даже ухаживать пытались. Кто – робко, кто – настойчивее. Нет, не так настойчиво, как это сегодня делается. Просто настойчивые пытались поцеловать едва ли не на третий день провожаний. Неслыханная дерзость!

Кое-кто из них даже нравился Лене, но не настолько, чтобы дружбу завести, и девушка неприлично долго оставалась одна.

И вот тут свалился, как снег на голову, сын её коллеги Дмитрия Филипповича, тоже учителя словесности, и закружил Лену в урагане страсти. Нет, не её страсти – своей. В общем, как уж там получилось, а в июле подали Лена и Владимир заявление в сельсовет. Любила ли она его? Вряд ли. А вот боялась – так это правда. И не только его, точнее, не столько его. Сплетен боялась, славы недоброй, что неизменно сопутствует девушке после разрыва с кавалером. Почему-то в то время считалось, что всегда именно он бросает её, недостойную и уже порочную. Порченную, одним словом.

День регистрации памятен так, как будто вчера это было. В этот день Владимир передумал жениться. Пора идти в сельсовет, а он перед ней и своими родителями выкаблучивается:

– А я не хочу жениться, я погулять ещё хочу!

Отец – в крик! Мать – в гвалт! А жених ещё больше куражится.

Посмотрела Лена на это представление, молча проглотила обиду и пошла домой, на квартиру к своей Харитине Ивановне, хозяйке. Но не дошла, Владимир её у мостика через канаву догнал и начал вести допрос с пристрастием – с кем она до него спала и сколько абортс сделала. Поставил условие:

– Скажешь правду, назовешь цифру – женюсь.

Сначала девушка пыталась объяснить ему, что у неё, вообще, ещё никого не было, в том числе, и его самого, потом плюнула ему в лицо и послала подальше несостоявшегося жениха вместе с его самой близкой роднёй.

Не ожидавший ничего подобного, Владимир сначала опешил, потом передумал гулять и твёрдо решил жениться. Но теперь этого не хотела уже сама Лена.

Плунуть бы тогда ей ещё и на «общественное мнение», которое пообещали сварганить для неё потенциальные свёкры и сам Владимир – не грязных сплетен надо было пугаться, а явной шизофрении того, кто стал её мужем на долгие четыре месяца. Приглядишься она внимательнее к этой сумасшедшей семейке – не было бы тех девяти кругов ада. Неужели

ей не хватило той поездки в Янов, где на строительстве будущей Чернобыльской АЭС работал Владимир и его сестра Валя?

Валя предложила Лене показать стройку будущего города, который потом назовут Припять, и девушка согласилась, благо, добираться недолго: пройти несколько километров пешком до Посудово, а там проехать чуток на электричке. Валя жила в женском общежитии, Владимир – в мужском. Вечером сходили на танцы, утром он пришёл в комнату Вали вдвоём с другом, которого называл Кентуля, и они все вместе повели Лену, как ей и было обещано, знакомить с ударной стройкой. Всё складывалось хорошо.

А вечером разразилась гроза, хотя никакие тучи её не предвещали.

Почти вся молодёжь окрестных деревень работала именно здесь, и знакомый парень из Крюков остановил Лену на лестничном пролёте общежития. Он был безответно влюблён в её подругу, учительницу немецкого языка Ольгу Петровну, и теперь пытался выяснить у Лены хоть что-нибудь о своём предполагаемом сопернике.

Владимир, увидев девушку мирно беседующей с этим парнем, подошёл, обнял её за плечи, предложил прогуляться вдоль безлюдных траншей будущей теплотрассы, где и начал избивать «за измену».

Очнулась Лена среди огромных труб от приглушённых голосов. Разговаривали двое: Владимир и его друг со странной кличкой Кентуля.

– Слушай, здесь никого нет, никто и не увидит, – произнёс Владимир.

– Я не хочу, – это голос Кентули.

– Ты не понял. Я тоже не хочу получить срок за изнасилование! Давай её просто в траншее закопаем, никто и знать не будет.

– Ты что? Чокнулся? – почти выкрикнул друг.

– И надо же было тебе притащиться так не вовремя, – досады своей Владимир и не думал скрывать, потом, видимо, опомнившись, добавил:

– Да пошутил я, пошутил.

От услышанного Лена похолодела и медленно поползла вдоль теплотрассы. Она точно знала: он не шутил.

Почему же даже тогда она не распознала в этой твари если уж не маньяка, то садомазохиста, как минимум? Может, потому что в те далёкие времена их и видом не видывали, и слыхом не слыхивали? Может, их тогда вовсе не было? Но ведь Лена столкнулась именно с таким чудовищем!

Столкнуться-то столкнулась, а на предложение руки и сердца, которое последовало через неделю после памятной

«экскурсии», отказом не ответила. Нет, не любовь толкнула её сделать этот роковой шаг, а безотчётный страх перед этим чудовищем, парализовавшим её волю.

Регистрация их брака состоялась. Была и свадьба, больше похожая на похороны, потому что Лена не замуж выходила, а хоронила свою молодость, надежду, веру и любовь.

2

Елена Сергеевна редко вспоминает «семейную» жизнь с Владимиром, точнее, не вспоминает вообще. Вычеркнула. А зачем помнить те долгие четыре месяца, которые она прожила, будто по битому стеклу босыми ногами ступала? Да не ногами – сердцем.

Единственной отдушиной была школа и ещё золовка Валия. Это она после «экскурсии» на стройку века плакала, глядя на многочисленные синяки и ссадины Лены, а после свадьбы вырывала невестку из рук своего брата, взбесившегося от очередного приступа ревности. Это она со слезами звала к его совести, то есть, к тому, чего у него не было. Но чаще всего Вали не оказывалось рядом, и защитить Лену было некому.

О золовке Елена Сергеевна вспоминает с теплом, но вот о свёкре своём – только с гримасой брезгливости: уж очень подл и грязен был этот человек. Нет, она не хочет вспоминать о нём, ей и без того есть что вспомнить. Например, то, как свекровь постоянно вдалбливала в голову невестке, что взяли её в *уважаемую* семью, и за это она должна быть благодарна им по гроб жизни.

Вот о гробе-то Елена Сергеевна как раз к месту сейчас

вспомнила... Чтобы лечь в него, ей тогда только одного глотка отравы не хватило.

Когда? Да тогда, когда она, доведённая до отчаяния, решилась на самоубийство и выпила из банки то, что колорадским жукам предназначалось.

Очнулась в больнице с предварительным диагнозом внематочная беременность. Но беременность, о которой она узнала только там, оказалась вполне обычной. Чем объяснили медики состояние пациентки, близкое к летальному, Лена не знает, а истинную причину она скрыла от всех за семью замками.

Навестивший жену Владимир получил за что-то замечание врача, оскорбился, приказал ей немедленно снять с себя больничный халат, бросить его в лицо врачу и покинуть больницу. Если она этого не сделает, то он, Владимир, с ней разведётся.

Лена не выполнила требований мужа, потому, что не смогла бы сделать этого из-за физической слабости – она почти не вставала с постели. И ещё потому, что обрадовалась разводу.

Обещания своего Владимир не сдержал – кого бы он тогда бил за интимную связь с тем самым врачом-гинекологом (показывала ему то, чего даже муж не видел!), с санитаром Яковом (на руках её в палату заносил!) и с дворником, пятидесятилетним Евменом (яблоками угощал!)?

Так безрадостно прошли четыре «медовых» месяца.

А потом Владимира посадили за кражу в том самом общежитии, что в Янове была. Родня плакала, а Лена тихо радовалась – целых три года без издевательств! Какое счастье!

Вняв советам коллег, она решила сделать аборт. Но её родные: бабушка, тётя и крёстный – восстали против этого.

– Вырастим, – сворачивая сигарку, сказал крёстный, – не переживай. Не нужно себя калечить. Дитё-то первое.

И вышел курить на улицу.

– Посидит в тюрьме, может, одумается да по-людски жить начнёт? – осмелилась предположить тётя Маша.

Бабушка помолчала и отрицательно покачала головой:

– Нет, дочка. Уродится теля с лысинкой...

И, обратившись к внучке, поставила точку:

– А дитё не след рушить, грех то великий. Нехай живе. Оно не виновато. Тебя взрастили, взрастим и его с Божьей помощью.

Они и растили Серёжку до двух лет, потому что родным дедке и бабке внук оказался не нужен. Не нужен настолько, что даже при выписке из роддома его никто не встретил, и Лена добиралась на перекладных: сначала на такси, которое оплатила старая знакомая её родителей, а когда легковушка застряла в сугробах возле деревни Пирки, то оста-

ток пути ехала с орущим свёртком на «Беларусе». Это потом уже поняла она, что не свёкрам телеграфировать надо было, а своим родным.

Чтобы быть поближе к сыну, Лена перевелась в другую школу и уехала из Крюков.

Через год Владимиру зону заменили поселением в городе Березники на Северном Урале, он приехал в отпуск, навестил жену с сыном, привёз какую-то погремушку и без конца хвастался большими деньгами. Лена заикнулась о том, что не лишне бы и на сына высылать хоть немного, ведь на алименты она не подавала, хотя нормальные мужчины, находящиеся на поселении, сами их оформляют, чтобы снизить сумму подоходного налога. Услышав это, «папаша» пришёл в ярость и заявил:

– Подашь на алименты – солому получишь!

(Это сыну-то солому!)

– На алименты я не подам, я подам на развод, – ответила Лена. За время, проведенное без него, она перестала бояться.

– Только попробуй! Вернусь – не порадуешься!

– И что же ты со мной сделаешь?

– А я ничего и делать не буду. Тебя мои друзья на хор поставят (это жену-то!), а я только смотреть буду и ногой тебя отталкивать, когда будешь ползти ко мне на коленях, просить пощады и целовать мои ботинки.

Потом он просил прощения, и Лена, чтобы не расстраивать своих родных, на развод подавать не стала.

А ещё через год Владимир приехал в отпуск с новой женой. Лена, ничего не зная о его приезде, совершенно случайно встретилась с ними в райцентре на автостанции. Лицом к лицу все трое и столкнулись. Он сделал вид, что не узнал её, а ей ничего не оставалось делать, как «не узнать» его.

К сыну Владимир на этот раз не приехал.

И слава Богу! Теперь Лена могла с чистой совестью подать на развод – никто бы её не осудил. Но оставаться в этом районе всё же было опасно: вряд ли у новой жены хватит терпения долго терпеть причуды избранника, значит, по окончании срока он может опять появиться в жизни Лены и Серёжки и опять превратить её в сплошной кошмар.

Лена уехала туда, где жили её родители и где у неё было много друзей. А когда она подала на развод, оказалось, что Владимир, не успев отбыть первый срок, получил второй и находится опять на зоне. К тому времени его гражданская жена родила сына Руслана, оформила алименты, так что деньги будут делиться между двумя детьми.

От алиментов Лена отказалась, ей нужен был только развод.

Узнав адрес, Владимир начал атаковать Лену письмами с зоны. Нет, теперь он не угрожал, теперь он давил на жалость. О новой жене и втором сыне там не было ни единого слова.

Дмитрий Филиппович тоже не терял времени даром, он тратил его на письма директору школы, в которой работала Лена. Потом начал писать заведующей РОНО. «Как человек бдительный и честный», свёкор считал своим долгом раскрыть руководящим лицам глаза на мерзкую Елену Сергеевну, которая *«...отняла посох у слепого»*, она *«...отняла у отца сына, а у деда – внука»*. Более того, *«...эта мерзкая женщина, сделавшая тайно одно грязное дело – развод без согласия мужа, хочет ребёнка, чистокровного белоруса, сделать бурятом или монголом по национальности»*.

Не был обделён вниманием и второй муж Лены. О, какой грязью обливал его Дмитрий Филиппович! А как же иначе? Ведь *«...этот Чингиз-хан раззявил рот на чужое»!*

Свёкор буквально захлёбывался собственным ядом, но тоже ни словом не обмолвился о второй жене своего сына и новом внуке.

Только вот над письмами выживающего из ума старика могли разве что потешаться, ибо развод с находящимся в заключении не требует его согласия, а второй муж Елены Сергеевны имел не только русскую национальность, но и ярко

выраженную внешность рязанского парня.

С тех пор прошло сорок лет. Дети давно уже крепко стоят на своих ногах. Сергей стал врачом и живёт за границей. Дочь Ирина – журналист, а младший Егор – сейсмолог. У всех свои семьи.

Зазвонил телефон. Длинные гудки. Значит, межгород или заграница. Родной голос сына:

– Мамуля, что-то случилось?

– Да нет, сынок, ничего не случилось. Просто тебя твой отец разыскивает.

– Какой отец?

– Биологический.

– Напиши ему, что мой отец умер, а другого у меня не было, нет и быть не может. А, вообще-то... – Сергей помолчал, потом закончил:

– Мамуля, извини меня за нецензурщину, но лучше ответь этому «фениксу», что я просто послал его на ...!

Елена Сергеевна так и ответила на то сообщение, оформив прямой речью сказанное сыном. А от себя добавила: «Не догоняй давно ушедший поезд!»

Стёпкина Радость

Пятилетний Стёпка всегда был занят каким-нибудь делом: то играл с ребятами в догонялки, то возводил в песочнице прекрасные, как ему казалось, замки, то качал в коляске соседскую крикливую Таньку, внучку соседки бабы Кати, пока та ходила в магазин за продуктами

А ещё он любил рисовать. Мама купила ему красивый альбом, цветные фломастеры, и теперь Стёпка рисует картинки, такие же прекрасные, как те замки из песка. В общем, у него всегда были дела.

Вот и сейчас он на лавочке у соседнего подъезда не просто так сидит и от нечего делать болтает ногами, а ждёт своего нового друга Тимку, с которым вчера познакомился в песочнице. Оказывается, Тимка в их дом переехал ещё весной, но раньше Стёпка его не видел. А вчера, когда он сооружал новый замок для царицы Будур, про которую мама читала в толстой книге, к нему подошёл рыжеволосый мальчик и стал помогать, точнее, всё переделывать. Вообще-то, Стёпка не жалуется соавторов, но этому мальчику он перечить не стал. Замок получился почти таким же, как на картинке в той толстой книге.

– Тебе мама тоже про эту царицу читала? – спросил Стёпка.

– Почему, мама? Я сам читал, – ответил мальчик.

– Сам?!

Стёпка с уважением посмотрел на мальчика.

– Конечно, сам. Мне уже шесть лет, осенью пойду в школу.

Стёпка сник. Мальчик ему очень понравился, только вряд ли он захочет дружить со Стёпкой, который младше на целый год и не умеет читать. Но Стёпка не любил мучиться сомнениями и все вопросы решал сразу. Как мама. Она это называла расставить все точки над «i». Он тоже решил расставить эти точки и вынес приговор их дальнейшим отношениям:

– Значит, ты со мной дружить не будешь!

– Это ещё почему? – удивился мальчик.

– Я маленький и не умею читать.

– Ну, и что? А хочешь, я научу тебя читать?

Стёпка очень хотел, и они тут же приступили к делу. Мальчик на песке нарисовал две буквы. М и А. Стёпка сразу их запомнил и вскоре сам стал их рисовать. А если их вместе нарисовать по два раза, то получится МАМА. Здорово!

Вот так они и подружились.

Теперь Стёпка сидит и ждёт нового друга, который обещал научить рисовать слово «папа».

На соседней лавочке собрались бабушки и о чём-то раз-

говаривают, но Стёпка не прислушивается. Бабушки такие же, как и бабушки из их подъезда, значит, и разговоры их о том же, что и у тех. О какой-то Перестройке, о талонах, о тяжёлой жизни. В общем, ему это совсем неинтересно.

Мимо прошла женщина в цветастой юбке, с короткими, как у мальчика, красными, как у Стёпкиной мамы, волосами и такая же красивая, как мама. Правда, красные волосы у мамы были на прошлой неделе, сейчас они у неё фиолетовые, но это тоже красиво, потому что у мамы синие глаза.

Женщина поздоровалась с бабушками и приветливо улыбнулась им. Бабушки дружно улыбнулись ей, вежливо ответили на приветствие, а как только эта красивая приветливая женщина вошла в подъезд, тут же оживились – у них появилась новая тема для обсуждения.

– Шалава, – категорично заявила одна.

– А ты почём знаешь? – не согласилась с ней другая. – У ей мужик есть. Ты видала его? Такой представительный. В очках.

– Вот твой представительный очкарик и не видел, как третьего дня его жену такой же представительный, но без очков поздно вечером на машине подвозил. Этот слепой олень и рогов своих не увидит, пока за что-нибудь ими не зацепится.

– А эту рыжую на какой машине подвозили? – включилась

в разговор третья бабулька. – Ежели на чёрной, так это друг ейного мужа, а ежели на зелёной, то это ейный сослуживец.

– Да темно было, я не разглядела. Но всё равно она шалава, потому что хоть другом будь он, хоть сослуживцем, одинаково – чужой мужик, значит, хахаль. Путная баба на машине с чужим мужиком поздно вечером кататься не станет.

Ну, если катается на машине... да с чужим мужиком... да ещё поздно вечером... Тогда, конечно, шалава. О чём тут спорить?

На форуме был достигнут консенсус.

Имя Шалава Стёпка уже слышал, так одна из бабушек их подъезда назвала его маму. Но та бабушка, наверное, забыла, как зовут маму, и мальчик вежливо напомнил.

– Маму зовут Люся.

Конечно, Шалава звучит гораздо красивее, чем Люся, оно похоже на шоколадку и халву, но против истины не попрёшь, как говорил дядя Игорь, второй Стёпкин папа. Бабушке стало стыдно, что у неё плохая память, и она начала прятать глаза. А тут ещё и баба Катя, у которой есть крикливая внучка Танька, неодобрительно посмотрела на неё и покрутила пальцем возле уха, тем самым намекнув на её старческую забывчивость. Стёпке стало очень жалко ту бабушку, он улыбнулся ей и сказал:

– Ничего страшного. Бывает и на старуху проруха.

Так говорил третий его папа, дядя Витя который.

И, тяжело вздохнув, добавил:

– Я хоть и молодой, а тоже иногда забываю чего-нибудь.

Вчера вот забыл в песочнице совок с ведёрком.

Дверь подъезда открылась, и появился Тимка с книжкой в руках.

– Какие у нас планы? – спросил Стёпка и покосился на книгу.

Так всегда говорит папа Коля, когда приходит к ним в гости.

– Планы? – удивился друг. – Ты что, забыл, что мы сегодня будем писать слово «папа»?

– А книга тогда зачем?

– Я тебе буду читать про Конька-горбунка. Ты знаешь, кто это?

Нет, этого конька Стёпка не знал, но ему захотелось немедленно познакомиться с ним, и он предложил:

– Давай, сначала книгу читаем, а писать «папа» будем потом.

Чутьочку поколебавшись, Тимка решительно отклонил коррективы, внесённые Стёпкой в ранее намеченные планы:

– Нельзя, папа говорит, что всё нужно делать по порядку.

Если по-другому, то получится хаос.

Стёпка позавидовал силе воли мальчика и тому, что у него такой умный папа. Совсем немножко позавидовал. Чутьочку. Много завидовать – это грех. Так говорит баба Катя.

Что такое «хаос», он знал. Мама всегда называет хаосом пустые бутылки из-под вина и окурки, которые всегда остаются после гостей. А ещё она этим словом называет разбросанные Стёпкой фломастеры и игрушки. У Тимки, наверное, дома никогда не бывает хаоса, за этим следит сам папа. Вот бы и Стёпке такого!

Конечно, у него тоже есть папа. Их даже несколько. Стёпка ничего не имеет против того, что их несколько, даже мама всегда говорит, что чем больше, тем лучше. Правда, она это не про пап говорит, а про деньги и вино, которые они приносят. Про пап мама говорит, что они все безбашенные.

Папа Коля, который первый, настоящий папа, приходит к ним каждую субботу и занимается Стёпкиным воспитанием. С ним мальчик ходит в гости к дяде Жене. Папа с дядей Женей пьют водку с пивом, играют в карты и поют печальные песни о лагерях и пересылках.

Про лагеря Стёпке всё понятно, он видел по телевизору фильм про пионеров. Вот папа и дядя Женя, наверное, вспоминают своё пионерское детство, грустят, матерятся и даже

иногда плачут. Плачут – это если водки и пива бывает много. А про пересылки Стёпка ничего не знает, но догадывается, что это вроде той посылки, которую по ошибке доставят сначала на один адрес, а потом, когда разберутся, отправляют на другой.

Пока взрослые вспоминают лагерный отдых у костров, Стёпка играет в карты. Сам с собой. Он уже выучил все масти и запомнил цифры от шести до десяти, чем несказанно удивил папиного друга.

– Слышь, корифан, башковитый у тебя фраерок получился! Далек пойдёт, если менты не остановят.

– А то! – с гордостью ответил ему папа. – Чья кровь? Моя!

Стёпке было приятно услышать столь лестную похвалу в свой адрес. Только непонятно, кто такие менты и почему они должны его останавливать, если он куда-то пойдёт? Решил выяснить. Сначала папа и дядя Женя очень долго громко хохотали, а потом объяснили, что менты – это цветные легавые. Псы, одним словом.

Легавых псов Стёпка видел на картинке. Конечно, такие зверюги остановят кого угодно, не только маленького Стёпку! Но те легавые были серыми. Но если есть серые, значит, есть и цветные.

Кто такой фраерок, Стёпка тоже не знал, но догадался, что фраерок – это сын фраера, то есть, маленький фраер.

А большой фраер – это сам папа. Так мама его называет.

Стёпка быстро запомнил, как рисовать слово «папа», и теперь внимательно слушал интереснейшую историю про Конька-горбунка. Дочитав сказку до конца, Тимка закрыл книгу и спросил:

– Понравилось?

– Нет, – ответил Стёпка, – это неправильная сказка.

– Почему? – удивился Тимка.

– Старшие братья работают, а младший ничего не делает. За него всё делает лошадка. Пусть бы этот Конёк-горбунок старшим помогал, а не этому дураку, – вздохнул Стёпка и совсем по-взрослому произнёс то, что слышал от третьего своего папы: – Вообще-то, дуракам всегда везёт.

– А почему так?

– Не знаю, – пожал плечами Стёпка. – Это только папы знают.

Тимка об этом как-то раньше не думал. У него не было третьего папы, как не было и второго. У него был только один папа, а тот никогда не говорил ничего подобного. И мальчик решил при случае выяснить у него, почему везёт только дуракам, причём, везёт всегда?

На балкон третьего этажа вышел высокий широкоплечий мужчина и позвал Тимку обедать.

– Ты иди, – сказал Стёпка, – я тебя на лавочке подожду.

Тимка направился к подъезду, но мужчина остановил его:

– А почему друга в гости не приглашаешь? Нехорошо, брат, нехорошо.

Дверь им открыла та самая красивая женщина с красными волосами и, обратившись к Стёпке, произнесла:

– Ну, давай знакомиться. Как тебя зовут?

Стёпка вытер свою руку о штанишки, протянул красивой женщине и ответил:

– Степан.

Потом тут же добавил:

– Николаевич. Можно просто Стёпка.

– Очень приятно, Степан Николаевич, – улыбнулась она, – а я мама Тимоши, зовут меня...

– Я знаю, вас зовут Шалава.

Стёпка знал, что человеку очень приятно, когда кто-то незнакомый уже что-то слышал о нём. Это у взрослых называется славой.

– Почему, Шалава? – удивилась Тимкина мама. – Меня зовут Нина Петровна. Ты можешь меня называть меня просто тётя Нина.

– Жалко, – вздохнул Стёпка, – Шалава – это красивее, чем тётя Нина.

Тут из кухни выглянул тот самый мужчина, приказал мальчикам мыть руки и садиться за стол.

В ванной Стёпка спросил у Тимки:

– А это твой папа?

– Да.

– Первый или второй?

Тимка озадачился.

– Наверное, первый. А что, их должно быть два?

– Нет, их должно быть три, – авторитетно заявил Стёпка.

– Зачем?

– Ну, с одним ты будешь по субботам ходить в гости к его другу и играть в карты, второй тебя научит свистеть и играть в шашки. С ним тоже было интересно, он весёлый. Играл на гитаре. Песни пел, – Стёпка вздохнул и грустно добавил: – Только он ушел от нас к Стерве, и теперь в шашки я играю сам с собой.

– Ты умеешь играть в шашки?

– Да. «В Чапая»! – гордо ответил Стёпка.

– А это как? – заинтересовался Тимка.

Он тоже умел играть в шашки, но как играют «в Чапая», мальчик не знал.

– Я тебе потом покажу.

– А третий папа тебе зачем?

– Пока не знаю. Он недавно стал папой, – вытирая руки полотенцем, произнёс Стёпка и добавил: – Поживём – увидим. Может, куда-нибудь приспособим.

Так мама ответила соседской бабе Кате, когда та поинтересовалась, зачем маме этот Витька-обормот.

За столом мальчик рассказывал о своей маме и трёх папах, а сам пристально рассматривал дядю Олега, пытаясь увидеть его рога. Их не было. Оказывается, бабушки не только имя Тимкиного папы неправильно расслышали, но и про рога чего-то напутали. Видать, они под старость маленько оглохли и ослепли. Ничего не попишешь, как говорит в таких в таких случаях баба Катя, старость не радость.

– Спасибо за хлеб-соль, – вылезая из-за стола, чинно поблагодарил радушных хозяев Стёпка. – Нажрался от пуза.

И для убедительности своих слов, задрал рубашонку и хлопал себя по животу.

– На здоровье, – дуэтом ответили родители Тимки и оба улыбнулись.

И всё же мальчик не удержал своего любопытства и спросил у дяди Олега, почему бабушки их подъезда называют его рогатым Оленем?

Взрослые переглянулись и весело расхохотались.

– Они пошутили, ты же сам видишь, что у меня нет рогов, – сквозь смех произнёс дядя Олег. – Можешь даже потрогать мой лоб.

Стёпка потрогал. Рогов, действительно, не было.

Тётя Нина принялась мыть посуду. Она почему-то стала невесёлой и всё время вздыхала. Наверное, за что-то рассердилась на Стёпку.

– Мне больше к вам не приходите? – спросил мальчик.

– Это почему же? – удивились тётя Нина и дядя Олег.

– Ну, вот Костику из нашего подъезда мама с папой не разрешают со мной играть.

– Почему?

– Потому что я испорченный мальчик из негодной... неблагополучной семьи. Только мы с ним всё равно играем, когда они не видят.

Дядя Олег погладил Стёпку по голове.

– Приходи, Степан Николаевич, обязательно приходи!

Стёпка повеселел и посоветовал тётке Нине покрасить волосы в зелёный цвет.

– В зелёный? Зачем? – изумилась женщина.

– У вас глаза зелёные, будет очень красиво. Вот я нарисую вас с зелёными волосами, сами увидите.

– Ты умеешь рисовать? – заинтересовался дядя Олег. – А знаешь что? Принеси-ка мне в свой следующий визит свои рисунки. Идёт?

– Идёт, – кивнул Стёпка.

– Ты, Ниночка, не находишь, что в этом мальчике что-то есть, – задумчиво произнёс Олег Михайлович, когда ребята удалились в детскую. – Природный ум, любознательность, наблюдательность... Смотри-ка, как он примерил зелёный цвет волос к твоим глазам! А ведь этот цвет и впрямь тебе был бы к лицу.

– Вот ещё этого мне не хватало, – отмахнулась жена. – Сам же знаешь, что я никогда не красила волосы. Да и косметикой не пользуюсь. Только всё равно среди дворовых кукушек слыву шалавой.

Олег Михайлович взлохматил её короткую причёску и притворно вздохнул:

– А я, видать, так и помру рогатым оленем из-за этого огненного чуда...

Они поглядели друг на друга и весело рассмеялись.

Высунув от усердия язык, Стёпка старательно рисовал портрет Тимкиной мамы. Он уже испортил два листа бумаги, а цвет волос никак не хотел гармонировать с её глазами. Цвет получался то слишком ярким, и тогда терялись глаза,

а сама женщина выглядела вульгарно, то слишком светлым, тогда, наоборот, глаза выходили на первый план. Наконец, получилось что-то, приближённое к замыслу.

– Ладно, покажу все три картинки. А ту, которая им понравится, подарю, – решил Стёпка.

Дядя Олег долго рассматривал портреты, самого Стёпку и недоверчиво крутил головой.

– Неужели это ты нарисовал?

– А кто же? – обиделся мальчик. – Я же сам вам про зелёные волосы говорил.

– Верно, брат, извини. Я что-то не то сказал.

– Ладно, проехали, – великодушно простил его Стёпка.

– А ты можешь мне показать другие свои рисунки?

– Могу. Завтра принесу.

Но ни завтра, ни послезавтра Стёпка не пришёл. В их семье всё пошло наперекосяк.

Папа, который третий, напился и начал требовать у мамы денег на водку, а у неё их не было, потому что деньги то ли заморозила, то ли сожрала какая-то жуткая Перестройка. Тогда папа сильно разозлился, побил маму и пошёл к своим друзьям. Там они что-то натворили, их загребли менты, те самые псы легавые, и теперь, по словам мамы, папа будет видеть небо в клетку.

Сначала Стёпка ухаживал за мамой, которой папа пересчитал рёбра, отпаивал её горячим чаем и рисовал картин-

ки. На одной он нарисовал страшную Перестройку, похожую на бабу Ягу, которая заталкивала в свой огромный рот маминны деньги. На другой – третьего папу. Папа стоит в окружении разноцветных собак и смотрит на небо. По небу плывут облака, некоторые из них проваливаются в крупные клетки. Стёпке, несмотря ни на что, почему-то было очень жалко папу. Наверное, потому было жалко, что они с мамой так и не успели его куда-нибудь приспособить, и теперь он остался один под небом в клетку и среди этих цветных легавых псов, ждать от которых чего-то хорошего не приходится.

На следующий день мама выпила немного пива, закрасила синяки, купила Стёпке три порции мороженого и, наказав ему съесть только одну, ушла на работу. А он не заметил, как съел все, и почти неделю лежал дома с ангиной.

За эту неделю их квартира преобразилась. Исчезли бутылки из-под вина и пива, окурки, а вместе с ними исчез и тот противный запах, который Стёпка пытался передать на своих рисунках грязно-серыми тонами. Правда, это у него пока не получалось. Мама тоже стала другой, но не потому, что покрасила волосы в тёмно-каштановый цвет, а потому, что сделалась какой-то домашней, уютной. Она навела везде порядок, часто стряпала то вкусные оладьи, то такие же вкусные пирожки, а по вечерам читала Стёпке интересные сказки, где всё хорошо кончается.

Чтобы Стёпка поскорее выздоровел, баба Катя принесла

ему банку малинового варенья и похвалила маму за то, что та, наконец-то, взялась за ум.

В субботу, как обычно, пришёл папа Коля. От него по-прежнему пахло тем же грязно-серым цветом, он просил маму простить старые обиды и что-то там начать сначала. Но мама не согласилась. И впервые к Стёпке пришла мысль: «А, может, ну их, этих пап? Разве им плохо вдвоём?»

Хотя, если честно признаться, этого папу ему тоже было очень жалко.

В воскресенье мама разрешила Стёпке выходить во двор и он тут же, взяв все свои рисунки, сломя голову помчался к Тимке.

Дядя Олег опять долго и очень внимательно рассматривал их, потом попросил оставить на несколько дней. Да хоть насовсем! Стёпке не жалко. Таких-то картинок он сколько угодно нарисует. А вот как нарисовать ту, единственную, увидев которую, люди сразу станут добрыми? Они перестанут говорить гадости друг другу и пить вино с пивом, а папы не будут у мам требовать денег и считать им рёбра.

У маленького Стёпки была большая мечта: он хотел нарисовать Радость. Только мальчик не знал, как это сделать.

Через три дня дядя Олег сам пришёл к ним домой. С ним был Тимка и незнакомый дяденька, которого они называ-

ли Михаилом Кирилловичем. Михаил Кириллович сначала поговорил со Стёпкой, просмотрел те рисунки, которые тот нарисовал за эти три дня, подарил настоящие акварельные краски и большой альбом с гладкими листами. Потом дядя Олег и Михаил Кириллович о чём-то долго разговаривали с мамой. Стёпка не слышал, о чём, потому что учил Тимку играть шашками «в Чапая».

Михаил Кириллович стал частым гостем в их доме. Он приносил с собой рамку, на которую была натянута белая простыня, много разных кисточек, красок и подолгу что-то рисовал, однако смотреть никому не разрешал. Но если Стёпке была дарована полная свобода, то маме было строго наказано сидеть на одном месте. Это, наверное, чтобы она не подглядывала. Стёпка-то подглядывать не будет, он мужчина. А женщины, они же любопытные.

Через несколько дней Михаил Кириллович показал то, что нарисовал. Стёпка ахнул – на него с простыни смотрела живая мама!

– Вот бы мне научиться рисовать такие картинки! – восхищённо прошептал мальчик.

Михаил Кириллович ласково потрепал его по щеке.

– Ну, вот, Степан, с этого мы и начнём наш с тобой первый урок. Запомни: это не картинка. Это портрет. А портреты

не рисуют. Их пишут. Причём, не кистью – сердцем.

Молодой художник куском мягкой ткани тщательно протёр кисть, положил её в футляр и отошёл от мольберта. Вот и всё. Конец долгой работы. Сделан последний мазок. Он вымыл руки и набрал по мобильнику номер.

– Тимка, привет! Ты можешь ко мне приехать? Да. Что? Прямо сейчас? Всё, жду.

Через час в мастерскую молодого художника вошёл высокий рыжеволосый мужчина лет тридцати с небольшим.

– Давай, показывай свои шедевры.

Художник снял покрывало с первой картины.

– Ба! Да это же наше детство! Вот песочница. Мы с тобой пишем слово МАМА. Лавочка. Тополь весь в пуху. Слушай, ты же должен помнить, как я в детстве страдал от аллергии на него? Так вот, у меня даже сейчас в носу засвербило при виде этого тополя.

На второй картине был изображён Знаменский собор. Казалось, что колокола, сияя позолотой в лучах восходящего солнца, издавали мелодичный звон, который плыл и плыл над старым сибирским городом. Здесь было столько света, что меркло всё, мешающее людям жить. Здесь исчезало фа-

рисейство и очищалась душа от всякой скверны.

Тимка ахнул от восторга.

– Стёпка! Это же надо! Ты всё-таки нарисовал свою Радость! Талант, брат, талант!

Друзья помолчали. Потом художник тихо произнёс:

– Первую картину я подарю тебе и твоим родителям, а вторую – моему настоящему отцу, Михаилу Кирилловичу. Ведь именно он стал моей путеводной звездой. Картину я назвал «Отрешение от суеты сует».

– А тебе не жалко дарить свою Радость? Ведь столько лет рисовал!

– Эх, ты, технарь! Радость ведь для того и существует, чтобы её кому-то дарили.

Художник улыбнулся, но тут же стал серьёзным.

– И запомни, Тимка: картины не рисуют, картины пишут. Причём, не кистью – сердцем.

Январь, 2016.

Максимка

Максимка будет послушным мальчиком, он вырастет хорошим человеком, только вы, взрослые, помогите ему стать таким... Пожалуйста...

Моему горячо любимому внуку посвящаю...

Максимка богат роднёй. У него есть мама, папа и целых три бабушки: две городские и одна деревенская. Бабушка Люся – самая старшая. Она не только Максимкина бабушка, но ещё и мамина. Бабушка Наташа – это только его бабушка, потому что она – мамина мама. Деревенскую бабушку,

которая мама папы, можно просто называть бабулей. А если назвать баболей, то это будет сразу и чин её, и её имя.

Ещё у него есть тётя Наташа, папина сестра, и дядя Паша, муж тёти Наташи. К ним Максимку возят в гости. Правда, редко. Тётя Наташа и дядя Паша хоть и живут в том же городе, что и Максимка, но далеко.

Кроме уже перечисленных родственников, есть ещё одна тётя Наташа, девочка Настя и ещё одна бабушка. Её зовут Галя. Бабушка Галя – это мама дяди Паши и второй тёти. Она добрая-предобрая! Такая же, как те, о которых Максимка вам уже рассказал. Бабушка Галя разрешает Максимке брать Настины игрушки, ходить в кухню, открывать холодильник и кормить Перса колбасой. Перс – это кот. Он очень важный, большой, весь белый и пушистый. Только вот колбасу Перс не ест и наотрез отказывается играть в догонялки. Жалко, конечно. Папа сказал, что Перс заелся, стал ленивым и воротит нос от своих кормильцев. Максимка сразу догадался: если кто заестся, то потом становится ленивым, очень важным и не обращает внимания на тех, кто его кормит. Он, Максимка, никогда не станет таким, как Перс, потому что это очень плохо. Это называется быть неблагодарным.

Максимка невероятно счастливый, потому что все его очень любят. Правда, по-разному. Мама с папой любят строго, а бабушки – нежно и всепрощающе, поэтому возника-

ют какие-то разногласия. Максимка не понимает, почему? Они же все хотят одного и того же, а именно: чтобы он рос хорошим, послушным мальчиком? Но хотят почему-то тоже по-разному. Максимка будет хорошим и послушным, только пусть взрослые помогут ему стать таким.

Деревенская бабушка отменила памперсы. Правильно. Максимке они тоже уже надоели. Папа садит его на горшок. Это Максимке не нравится. Нет, горшок-то ему как раз нравится и даже очень. Его можно надевать на голову или затолкать в него котёнка Бабая. Но сидеть на горшке – это уже слишком!

Максимка встал и пошёл искать Бабая, чтобы посадить вместо себя. Папе такая замена не понравилась, и он начал сердиться. А разве Максимка виноват, что сразу не понял, для чего его посадили на горшок?

Городские бабушки тоже сердятся. На папу. Им не нравится его строгость. Деревенская бабуля ни на кого не сердилась, она только посоветовала папе чередовать какой-то кнут с пряником, не горячиться и находить общие точки соприкосновения с городскими бабушками в воспитании, а не превращать ребёнка в яблоко раздора.

Максимка понял: чтобы взрослые под горячую руку не превратили его в яблоко, он должен сидеть на горшке. Ладно, он будет сидеть. Он даже сам станет снимать штанишки и садиться на него самостоятельно.

Максимка ведь тоже их всех любит. Он будет хорошим и послушным мальчиком. Он не хочет, чтобы они сердились друг на друга, и немного побаивается перспективы стать яблоком.

Но горшок – это одна проблема, есть ещё и другая – кухня, где так много всего интересного. Там можно открыть все тумбочки, рассыпать крупу или сахар, залезть на стул и включить воду в кране, покрутить ручки на газовой плите. Однако папа не разрешает Максимке делать этого и очень сердится, если Максимка ослушается. Городские бабушки опять сердятся на папу, а деревенская в сотый раз говорит о кнуте, прянике, о каких-то точках и об общем языке, который нужно найти.

Где же искать? Его нет ни в под кроватями, ни под столом, ни в домике Бабая, ни в лотке. Его нет даже в том большом горшке, который для взрослых стоит в туалете. Максимка уже проверил. И в пакете с гречкой искомый предмет обнаружен не был.

Папа опять сердился, что в кухне крупа рассыпана, и опять строго-настрого приказал: без взрослых туда не ходить! Городские бабушки опять сердились на папу, а деревенская опять говорила о языке, который нужно непременно найти.

Полуторогодовалый Максимка, несмотря на свой столь юный возраст, был невероятно смышлёным и пришёл к выводу: этот язык бабуля сама спрятала и никому не говорит, где. И ещё он понял, что в кухне можно играть тогда, когда папы нет дома. Ну, а если папа застанет его там или увидит рассыпанную на полу гречку или другую крупу, это не так уж и страшно – у Максимки ведь есть бабушки. Целых три!

Так-то оно так, но ведь бабушки опять могут рассердиться на папу, а он – на них. Максимка этого не хочет. Он же их всех любит!

Засунув в рот палец, что всегда помогало находить правильные решения, Максимка пытается найти выход из сложного положения и, наконец, понимает, что в кухню лучше вообще не ходить. Есть много других интересных вещей, которыми давно уже пора заняться. Телефоны, например. Или компьютер. Хотя нет, про телефоны и компьютер папа, кажется, тоже уже что-то говорил и даже грозил пальцем.

Ладно, их Максимка не будет трогать. Пока. А кухню он заменит ванной. Там ведь тоже есть много развлечений: можно и кран включить, и что-то разлить или рассыпать. Вон сколько всего на полочках стоит! Про ванную папа пока ещё ничего не говорил. Может, пронесёт? Ну, а если не пронесёт, то бабушки всегда придут на помощь. Их у Максимки целых три! А там, глядишь, и общий язык найдётся. Нашёл-

ся же пульт от телевизора, который Бабай вчера под диван спрятал!

Январь, 2016.

Иркутск.

Подарок для Марьи

Шибко Силантию с Марьей Байкал сподобился, куда их прошлым летом внук возил. Нынче съездить не удалось, но вот множество дисков с фильмами об этом чудо-озере они имели. Особенно нравился им фильм «На Байкал», а из всех персонажей – бурят Булат. Он в своих помыслах прозрачный, как байкальская вода, в своих поступках открытый, по-детски непосредственный, потому и смешным кажется. Вообще-то, искренние люди сегодня почему-то всегда смешны, как тот Булат. Но речь не о нём, то есть, не совсем о нём.

Увидел Силантий в том кино, как Булат коктейль для друга готовил. Но не коктейль заинтересовал старика, а штука, при помощи которой готовил Булат это пойло. Такая простая, что проще не бывает. «Вот бы Марье удобство такое, – подумал старик, – и мыть-то эту штуковину проще простого – прополоскал в воде, как чищеную морковку, и все дела».

Решил Силантий сделать своей Марье на семидесятилетие подарок, сюрприз, то есть. Ну, а сюрприз, на то он и сюрприз, что о нём никто не должен ведать раньше положенного срока. Силантий только у внука поинтересовался, где такую ценную вещь приобрести можно. Внук от изумления глаза вытаращил и, с трудом сдерживая хохот, спросил:

– А тебе-то зачем эта штука?

– Да так, я просто так спросил, для антитрессу, – уклонился Силантий от прямого ответа. Уклонился исключительно потому, что внук может опередить его и тоже купить в подарок бабушке эту штучку.

Назавтра Силантий поехал на маршрутке в райцентр и быстро нашёл «Секс-шоп». Внук сказал, что только там продают то, чем Булат коктейли делает. Быстро нашёл, потому что добрые люди маршрут подсказали. Правда, они почему-то удивлялись тому, что именно эта торговая точка нужна старику, по несколько раз уточняли, но старик упрямо твердил, что «тое», за чем он ехал в такую даль, находится только в «Секс-шопе».

Подарок на Марьин юбилей Силантий увидел сразу. Ткнув скрюченным артритным пальцем в стекло витрины, он обратился к молоденькой продавщице:

– Покажи-ка, внученька, мне тую вещицу.

Девушка с изумлением, точь-в-точь, как внук Сергей и те добрые люди, воззрилась на старика и с трудом выдавила:

– Дедушка, вам-то это зачем? Вы что, гей?

– Та ни, я не Гей, я Силантий. А еты струмент я хочу подарить своей Марье на юбилей. Ей через месяц семьдесят годков стукнет.

– А Марье-то он зачем в её возрасте? – ещё больше удивилась продавщица.

Силантий в свою очередь удивился неразумности молодёжи:

– Як зачем? Старая она уже, у ей же руки болят взбивать яйца там со сметаной или муку на блины размешивать. А с этим миксером раз-два – и готово!

После того, как довольный покупкой Силантий покинул «Секс-шоп», там долго стоял гомерический хохот.

А вот Марья не стала смеяться, когда сияющий, как юбилейный рубль, Силантий вручил ей этот «миксер». Она всё поняла, потому что понимала своего старика лучше, чем понимали его все родные и знакомые, понимала его даже лучше, чем он сам себя понимал – как-никак, а их золотая свадьба уже позади...

В неоплатном долгу

*Светлой памяти моих самых родных людей
посвящается...*

Пенки с топленого молока

Говорят, у человека не может быть две родины, как не может быть двух матерей. Неправда! У неё было две матери, две родины и даже два отца. Вот только бабушка была одна-единственная. Одна на двоих. Варвара Трофимовна, которую все называли баба Варка.

На широкой русской печи всегда тепло и уютно. Пахло тыквенными семечками и луком, днем там можно играть в костянки, а по вечерам слушать бабушкины сказки, в которых всё хорошо заканчивалось. Волька любила её, эту русскую печь, любила свою бабу Варку, тётку Машу, дядьку Василия, который являлся не только родным отцом её двоюродного брата Коли, но и крестным самой Вольки.

Вообще-то, Волька была Ольгой, только белорусы это имя

произносят, как Вольга, а уменьшительно-ласкательно – Волечка или Волька. Против Вольки Ольга не возражала, ей было всего три года. Но она возражала против того, что баба Варка, снимая пенки с топлёного в глиняном горшке молока, давала эту вкуснятину не только ей, но ещё и Коле, хотя Колю Волька очень любила. Зимой он катал её на санках, летом – на велосипеде, рвал для неё самые вкусные яблоки, самые сочные вишни и всегда защищал от противных соседских мальчишек. Ему она готова была отдать все, кроме желто-коричневой и бесподобно вкусной молочной пенки.

Коля тоже любил Вольку и каждый раз собирался уступить ей свою долю пенок, но когда баба Варка протягивала ему деревянную ложку с этим исходящим парком чудом, сам не понимал, как оно оказывалось в его желудке. Он виновато смотрел на Вольку и шепотом обещал исправиться к завтрашнему утру, а сегодня отдать ей в качестве компенсации одну из своих двух конфет, которые вечером как подарок «от зайчика» принесёт им батька. Таким образом, у Вольки их будет целых три!

Коля был чуточку постарше своей сестренки и уже умел считать до десяти.

Волька называла крестного папой, а свою тётку Машу – мамой. Они не делали различия между родным сыном и племянницей. Напротив, Вольке всегда доставалась большая до-

ля внимания, потому что она младше Коли, она девочка и слаба здоровьем. Да разве могло быть иначе, если родители Вольки два года назад привезли её к ним восьми месяцев от роду и уехали опять на Сахалин? Нет, у Вольки хорошие родители, они не бросили её, просто так сложились обстоятельства, что остаться на материке у них не было никакой возможности.

Вот поэтому и получилось, что тётя заменила Вольке мать, крёстный – отца, Коля – родных братьев и сестер, а баба Варка – всех прочих недостающих родственников. И не только на три года – на всю её, Волькину, жизнь.

Сахалинское заточение «врагов народа» и родителей Вольки, наконец, сменилось Сибирью, куда они и увезли трёхлетнюю дочку. Увезли, чтобы через год вновь посадить её на теплую печь под крыло доброй бабы Варки, тётки Маши и крёстного. Волька была больна.

Белорусская семья опять отпаивала девчушку парным козым молоком (кстати, именно для неё было приобретено это экзотическое для тех мест животное) и свежими куриными яйцами. Выходили. Ожила Волька.

Дети снова вернулись к прежним играм, баба Варка так же, как и год назад, баловала их вкусными пенками и рассказывала сказки, а батька после работы приносил им по две конфеты «от зайчика», одну из которых Коля, как и прежде, отдавал сестрёнке.

Так и металось Волькино полосатое чёрно-белое детство между Сибирью и Белоруссией.

К тому времени, когда Колю призвали на службу в армию, Волька стала уже Ольгой, жила в Сибири и заканчивала среднюю школу. Теперь их связывали письма да бесконечная родственная любовь брата и сестры. Куда пойти учиться дальше? Здесь сомнений не было. Только в Белоруссию, только туда поедет она! К бабе Варке, к тетке Маше, к крёстному! А там и Коля вернется, и опять они будут все вместе. Конечно, игра в костянки и пенки с топленого молока остались в детстве, но Ольге, пусть и повзрослевшей, так не хватает её старшего брата и любимой белорусской семьи!

Баба Варка решительно не желала признавать «русскую взрослую Ольгу» и звала её прежним именем. Да и для тёти Маши с крёстным она оставалась всё тем же маленьким, беззащитным дитём, той же Волькой, пусть даже теперь она и учится в университете.

Коля отдал свой воинский долг сразу двум республикам (призванный на службу в Белоруссии, служил в подмосковном Реутове), вернулся домой и женился на красивой, доброй и отзывчивой девушке из соседней деревни Храковичи. Так в их семье появилась ещё одна Волька. Вольки стали подругами.

А потом жизнь развела их в разные стороны. Переписывались. Но после Чернобыльского коллапса Волька потеряла свою родню.

Коля сам отыскал её. Через годы. Через расстояния.

Давно уже Вольку зовут Ольгой, добавляя при этом ещё и отчество. Давно ушли в мир иной дорогие сердцу баба Варка, тетя Маша, крестный и её, Ольгины, родители. Тысячи километров отделяют Иркутск от Бреста, да ещё государственная граница пролегла между Колей и Волькой.

Только память безгранична и в пространстве, и во времени... Закроет Ольга глаза – и вот они, картины детства, такого близкого и такого далёкого.

Пляшущие отблески огня на тёмных стёклах окна напротив печи. Когда она топилась, электричества в целях экономии не включали. Возле печи порается, то есть, управляется с чугунами, чугунками и горшками баба Варка. А вот и две светловолосые головёнки...

Коля смотрит на шестидесятилетнюю Ольгу из их далекого детства своими безоблачными голубыми небушками, и слышит она, как наяву:

– Волька, на, трймай цукерку, а як бацька праніка прыня-

се, я табе щэ і яго аддам.

И ведь отдаст он ей свой пряник, этот самый родной двоюродный брат!

Всё отдаст... кроме пенки с топлёного молока.

Запоздалое покаяние

Телевизоры в деревне Чемерисы по тем временам были редкостью – один на две улицы. По вечерам к домам обладателей чудо-ящика сходились не имеющие его соседи. В ожидании «кино» мужики покуривали самокрутки и постепенно рассуждали о политике, а женщины, обновив свой повседневный наряд святочными передниками, украшенными ещё «в девках» вышивками из разноцветных мулине, обсуждали последние деревенские новости.

Самой актуальной на сей день была весть о приходе из армии Коли Поповича. Это особенно волновало тех, у кого были девки на выданье. Оно и понятно: Коля был очень даже перспективным потенциальным женихом: спокойный, уважительный, работающий да к тому же ещё и красивый.

Тётя Маша смотреть чужое чудо не ходила, не до того ей было. Она ждала сына. Крестный же, обсудив со своим фронтowym другом Устиновым политику партии и правительства, а заодно и самосад нынешнего урожая, поднимался с низенькой лавочки под разросшейся черешней и шёл ждать сына в хате, возле своего чудо-ящика.

Чудо называлось радиоприёмником «Рекорд», бережно накрывалось вышитым рушником, включалось торжественно и с затаенным дыханием. Там имелся и проигрыватель.

Но поскольку пластинки являли собой роскошь да ещё и часто разбивались, а единственно уцелевшая, с песней «Старый клён стучит в окно», надоела, то проигрывателем практически не пользовались.

Бабе Варке эти чудеса заменяла белая пластмассовая коробочка на стене. По утрам коробочка громко голосила: «Гаворыць Мінск... шэсць гадзІн... хвілІн», – работала круглосуточно, а посему перестала удивлять хозяйку. Да и не до чудес ей было сейчас. А что касается утренней побудки, то хозяйка просыпалась раньше этого заполошного динамика.

В ожидании внука баба Варка, напрочь запамятавав о своих преклонных годах, носилась по деревне, как молодая. Нет, не бесцельно бегала она к далековато от неё жившей дочери, баба Варка опасалась пропустить исторический момент возвращения на малую родину защитника Родины большой.

Не пропустила, в отличие от Вольки. Но у Вольки была уважительная причина – сессия. Волька приедет позже.

Из Армии Коля пришёл возмужавшим, говорил баском и проигнорировал не только тайные планы несостоявшихся тещ, но и явные надежды их дочерей. Отгладив свой наряд, начистив до зеркального блеска туфли, каждый вечер он отправлялся в соседнюю деревню Храковичи к своей Оле, не забывая при этом завернуть и к бабе Варке, тем более, что

её хатка стояла аккурат на его пути.

Поговорив о том о сём, убедившись, что здесь все в порядке, Коля продолжал путь к своему будущему семейному счастью. Баба Варка тайком крестила его спину и принималась за вечерние дела, слушая краем уха, что там «гаворыць» Минск, райцентр Брагин или правление колхоза «Рассвет».

Но вот однажды динамик онемел. И скучно сделалось в маленькой хатке. Не хватает его, который «гаворыць...».

Волька взяла книгу, постилку и, прихватив большую миску с вишнями, вышла в сад. Она очень любила читать, лежа в тени старых яблонь, и лакомиться то вишнями и черешнями, то яблоками и грушами. В общем, тем, что уже созрело.

Время приблизилось к вечеру. Прошло стадо. Волька закрыла книгу, свернула постилку, взяла пустую миску и покинула сад. Из раскрытых дверей хаты неслась песня о девчонках, которые вынуждены стоять на танцах в сторонке, потому что, по утверждению беспристрастной статистики, каждая десятая из них оказалась там лишней.

Динамик опять был в рабочем состоянии.

В хате на широкой лавке сидел Коля и снимал пробу со свежего кваса.

– Коль, вот здорово! Это ты починил? – кивнув на поющую коробку, обрадовалась Волька.

Она уже забыла, что каждое утро проклиная будившую её ни свет ни заря пластмассовую злыдню и грозитя вырвать

ей язык.

– Починил? – удивился Коля. – А что, динамик не работал? Странно, у нас молотил весь день без передышки.

Баба Варка посмотрела на книгу, которую Волька всё ещё держала в руках, потом на Вольку и огорченно произнесла:

– Дочиталась девка.

– Да не работал динамик! – чуть не плача, доказывала Волька.

Коля встал на её сторону. Если Волька говорит, не работал, значит, так оно и было. Но временная потеря радиоголоса должна иметь какое-то объяснение, а вот его-то как раз и не имелось.

Тайна раскрылась, когда Коля вышел на улицу и увидел оборванный радиопровод, конец которого кто-то воткнул в землю. Было проведено следствие, в ходе которого под напором неопровержимых улик баба Варка дала признательные показания.

Прислушиваться к тому, гомонит или нет эта коробка, ей было некогда, она занималась своей работой. После обеда увидела оборванный провод и пристроила его к грядке с бураками, чтоб он не путался под ногами. Вот и всё.

– Да ты, бабуля, у нас и в радиотехнике волокёшь, если так мастерски заземление сделала! – восхитился Коля, и все рассмеялись.

Волька и её постоянное чтение были реабилитированы.

Эх, задуматься бы ей, Вольке, справедливо ли то, что её старенькая бабушка с раннего утра до позднего вечера вся в работе, а она, здоровая деваха, в это же самое время валяется в тенёчке с книгой да фруктами лакомится? Задуматься бы и над тем, почему самый вкусный кусок всегда оказывается именно в её, Волькиной, миске и как это баба Варка со своей колхозной двенадцатирублевой пенсии умудряется покупать ещё и подарки своей внучке?

Тогда бы надо было задуматься, а не через сорок лет, когда ей, Вольке, и покаяться-то перед бабой Варкой нет возможности! Нет больше бабы Варки среди ныне живущих. Нет и любимой тёти Маши, нет и дорогого крёстного. Царствия им всем небесного и памяти светлой!

Осталась Волька в неоплатном долгу перед ними.

Июнь, 2012.

Иркутск – Веренка.

Она будет просто жить

Маленькая повесть

1

Накануне дня своего рождения Вера Николаевна решила сходить в магазин, чтобы побаловать себя в тот день чем-то вкусненьким, а на обратном пути поскользнулась на крутом спуске дороги, ушибла бок о торчавший из-под снега комель бревна и подвернула ногу. Побаловала себя, называется. Так побаловала, что с трудом превеликим до хаты своей добрела. Добрести-то добрела, даже печь растопить умудрилась, а к вечеру ей до того худо стало, хоть криком кричи: на ногу ступить не может, спину такой дугой выгнуло, что голова где-то на уровне колен оказалась. Только вот беда, кричи не кричи – никто не услышит: одна Вера Николаевна живёт в доме.

Ночь прошла, как в бреду, а когда наутро женщина по стеночке добралась до кухни, то её охватило полное отчаяние: дров в доме осталось только на одну топку да и вода на исходе. Вот так, а ведь она планировала ещё и баню протопить сегодня. Ладно, воды, как обычно, флягой на тележке навозит соседка, она раз в неделю Веру Николаевну водой обеспечивает. Нет, не задаром – это как бы плата за проживание в доме, из которого сын переселил Веру Николаевну в её сегодняшние «хоромы», находящиеся наискосок от прежнего жилья. Вместе с тем домом и мебель прежнюю оставили, и ковры. Ничего не захотела Вера Николаевна забирать от-

туда, где умер её муж. Вот там и поселилась на всём готовом молодая семья, жилья не имеющая.

Водокачка была рядом с двумя домами, принадлежащими Вере Николаевне, так что соседка-квартирантка без особых усилий быстро навозила воды и, почувствовав болящей, убежала по своим делам, не догадавшись принести в дом две-три охапки дров. Молодая она ещё, непонятливая. А бескорыстная «домовладелица» постеснялась попросить её об этом и сама, предварительно наложив тугую повязку на ногу, перетянув поясицу толстым слоем эластичных бинтов, поковыляла к поленнице, радуясь уже тому, что в баню дров натаскала загодя.

После бани стало совсем худо: то знобит, то в жар бросает, ноги боль выкручивает, голова раскалывается так, что глаза на лоб готовы вылезти.

А тут ещё и погода испортилась: всю неделю бесновалась метель, порывы ветра сбивали с ног даже тех, у кого они обе были в рабочем состоянии. За всё это время Вера Николаевна ни разу не вышла за калитку, и за всё это время никто не отворил дверей её дома. Конечно, были звонки с поздравлениями в день рождения, звонили и те, кому нужны её консультации или совет, но вот звонок, залиvisto сообщающий о чьём-то визите, был нем.

На отшибе живёт она. На самом что ни на есть краю... Долгими ночами, слушая завывания ветра, Вера Николаевна дрожащими руками вытирала слёзы. Нет, она не плака-

ла, слёзы сами текли, скатываясь к уголкам губ и раздражая их солью. Ей было страшно в пустом доме. Но не нечистой силы и не нечистых на руку местных бичей она боялась – она боялась умереть зимой. В эту пору сын с геологоразведкой колесит по Северам, где нет сотовой связи, а дочь в далёком от неё большом городе, и вряд ли кто сообщит им о смерти их матери, потому что вряд ли кто из односельчан вспомнит о ней. Неужели придётся лежать до весны? До приезда сына?

Хотя нет. О чём это она? Дочь-то будет звонить и, не дозвонившись, забудёт тревогу, приедет сама. Да и пенсию почтальон принесёт и тоже встревожится, если Вера Николаевна не выйдет на звонок. Но, так или иначе, всё равно день-другой её может никто не хватиться, и если первыми о кончине Веры Николаевны прознают местные бичи, то к приезду детей в доме останется только её труп. А документы? Ведь здесь не только её документы, но и документы сына. А что будет с его иномаркой?

Нет, умирать зимой Вера Николаевна не имеет права, только разве смерть будет спрашивать, когда к ней удобнее прийти?

А вдруг Вера Николаевна не сразу умрёт, будет лежать обездвиженной, беспомощной, но отчётливо понимающей своё ужасное положение? Сейчас ведь не те благословенные семидесятые, когда соседи, узрев не разметённый подле калитки снег и не увидев дымка из печной трубы её дома,

враз бы всполошились. Не те времена нынче, ох, не те...

Когда в середине семидесятых Вера Николаевна, молоденькая учительница, приехала в таёжный посёлок, всё было иначе. На лавке в сенях, которые за ненадобностью никогда не запирались, она находила по утрам то банку молока, то десяток яиц, то грузди солёные, то домашнююстряпню в виде тарочек с черёмуховой начинкой. А в ноябре, в период массового забоя домашнего скота, мяса у неё было столько, что впору самой с кем-то поделиться. Кто приносил? Неизвестно. Известно только, что распиленные дрова привезли по приказу начальника леспромхозовского участка, ставшего потом её мужем, а раскололи чурки и сложили в поленницу её ученики, пожелавшие остаться инкогнито.

Дружно жил многонациональный народ в Междугранке: были здесь и литовцы, и украинцы, и белорусы. Даже молдаванин имелся, почтальон по фамилии Кашняну, все называли его Кашнян.

По весне жители посёлка убирали территорию возле своих домов не по приказу сельсовета, да и приказов таких Вера Николаевна не помнит, а по укоренившейся привычке, потому и выглядела Междугранка чистенькой и ухоженной. Молодежь приводила в порядок стадион, натягивала волейболь-

ную сетку, и вечерами проводились соревнования между командами женатых и холостяков. Были и другие спортивные игры, весёлые и шумные.

Нет теперь Междугранки, как и многих других малых посёлков и деревень, а вместе с ними исчезло и то духовное родство между людьми, которое наполняло нелёгкую жизнь простого человека неким смыслом. Нет больше общих праздников, когда неказистое здание поселкового или сельского клуба битком набито разновозрастной публикой. Нет и общих горестей. Теперь каждый по себе.

А ведь жилось простому люду в те далёкие годы нелегко. С утра до вечера почти всё взрослое население работало в тайге на валке, трелёвке, погрузке и вывозке леса, да и своё подсобное хозяйство держать приходилось. Иначе нельзя, потому что в магазинах шаром покати. Заведующая РОНО, выбирая Вере Николаевне место будущей работы, колебалась недолго.

– Поезжайте в леспромхоз, там снабжение ОРСовское, глядишь, и вам тушёнка с колбасой кой-когда перепадёт. Да и женихи там богатые, по четыреста рублей зарабатывают. А если в городе останетесь, придётся питаться очень даже аскетически. Как, впрочем, и в совхозах, которые кормятся Райпотребсоюзом да своими подсобными хозяйствами.

Про богатых-то женихов правду сказала заведующая РОНО, хорошо платили рабочим леспромхозов за их тяжёлый

труд. Только вот тратить заработанное было некуда, прилавки поселкового магазина были так же пусты, как и везде. Но партия и правительство уверяли народ в том, что это временные трудности, народ жил надеждой на перемены и копил на сберкнижках деньги для будущей счастливой жизни. Пусть не своей. Пусть хоть их дети хорошо поживут. Народ терпеливо ждал. И дождался, когда все его сбережения партия вместе с правительством самым наглым образом переместили в свои карманы. Значит, всё это: дефицит, невозможность потратить заработанное и сами сберегательные книжки – было кем-то запланировано? Значит, людей изначально, ещё задолго до перестройки обрекли на рабство во имя каких-то мифических идей компартии, точнее, на благо волюнтаризма, узаконенных Уставом этой партии? Теперь в этом никто не сомневается. «Призрак бродит по Европе...» Да уж, и впрямь призрачным был обещанный коммунизм.

2

Вера Николаевна до сих пор не может понять, как жители леспромхозовских посёлков, работая в лесу, умудрялись ещё и скотинку в чистоте да в порядке содержать, и приусадебные участки. Не потому ль так удивилась она запущенным, заросшим сорняками частным огородам, когда в девяностые, после распада леспромхоза, они с мужем и восьмилетним сыном переехали в совхоз?

Однажды ранним утром, с тяпками наперевес шли они всей семьёй по спящей деревне окучивать свой участок картошки, находящийся в двух километрах от села, смотрели на заросшие травой придомовые огороды, и муж, кивнув на одно из подворий, с непередаваемой горечью тихо произнёс:

– Вот они, кормильцы наши! Спят сном праведников, а сорняк меж тем силу набирает, уже выше картошки вымахал. Окучивать пора, а тут и прополкой ещё не пахнет.

Потом он молчал до самого конца пути. «Кормильцы» просыпались только к обеду.

Когда же началось раскрестьянивание?

Она часто вспоминает жизнь другой деревни, деревни её детства. Теперь мало кто верит старым фильмам, где колхозники шли на работу с песнями и с ними же возвращались до-

мой, а она знает – это правда. Да, пели женщины, а мужчины им басисто вторили. На сенокосе, опустошив торбы с нехитрыми обедами, во время короткого перерыва, потирая натруженные руки и наслаждаясь кратковременным отдыхом, приваливались они к стогам. Послеполуденная дрема окутывала сенокосные уголья. Но вдруг взмывал высоко в небо звонкий женский голос:

Колькі у небе зор
Цяжка палічыць...

К нему присоединялся другой, чистый, как родниковая вода:

Толькі з іх адна
Наярчэй гарыць.

И вот уже плывёт над лугом сочно, мощно и невероятно красиво разбавленное мужским басом:

Гэта ты мая
Зорка ясная,
Ты, каханая,
Непагасная.

Сегодня прагматикам трудно поверить, что в те далёкие годы не только к работе на личных наделах, но и к колхоз-

ному труду относились не абы как, что для молодых прослыть ленивцем и неумехой считалось несмываемым позором. И соревновались хлопчики в ловкости да в умении, особенно с уборочную страду, когда тягловой силой, конём, то есть, при помощи верёвки стаскивали копна сена к огромному стогу. Соревновались девчухи на току, когда в сплошной пыли при обмолоте света белого не видно. Это позже комбайны появились, а Вера Николаевна хорошо помнит алчный барабан молотилки, требующий бесперебойной подачи снопов. Не всякий выдержит бешеный ритм этой работы, она, тринадцатилетняя городская девчонка, не смогла, и ей доверили только отгрести уже опустошенные снопы, выплёвываемые прожорливой машиной. Кстати, матерчатых перчаток тогда тоже ещё не было – были кровавые мозоли от черенка вил. Но мозоли приходилось скрывать, иначе прослывёшь белоручкой, что ведь являлось не менее позорным и приравнивалось к неумехе или лентяйке.

Вернувшись с колхозной работы, люди принимались за работу домашнюю и только с заходом солнца готовили ужин, который называли вячэрой. Это были неизменные солоники. Женщины разводили костерок на лужайке возле одного из домов, общий для нескольких соседних, окружали его чугунами, наполненными чищенной круглой картошкой и водой, накрывали чугуны сковородками, тоже чугунными и без ручек.

Вера Николаевна до сих пор не может докопаться до про-

исхождения названия этого немудрёного блюда.

Солоники – от слова соль? Но соль есть в любом блюде. От слова соло, потому что, закипая, каждый чугунок пел свою песню? Хотя нет, соло – это вряд ли: простые крестьяне были не так искусны в музыкальной терминологии. А может, солоники – это и вовсе не солоники, а салоники? Ведь туда ещё и кусочки сала бросали.

Но как ни называлась картошка, запечённая в чугунке на костре, Вера Николаевна до сих пор помнит вкус самых верхних картофелин, чуть подгоревших, пахнущих дымком и далёким детством.

Как-то взяли бабушка и тётя Маша Веру на прополку колхозных огурцов, а Вера возьми, да и сруби нечаянно тяпкой один из корешков. Боже мой, сколько укоризны и осуждения было в их взглядах! За что? Огурцов-то вон сколько, целое поле, да и не свои они.

За что? Это девочка поймёт позже, когда будут они с бабушкой идти по просёлочной дороге мимо ржаного поля. Сорвёт бабушка колосок, вышелушит зёрнышки и произнесёт необыкновенно ласково:

– Житечко святое. Хороший урожай Господь нам сподобил, слава ему, с хлебушком будем.

Вот тогда и поймёт Вера, за что она подверглась безмолв-

ному, но дружному осуждению на том огуречном наделе. Бережное, любовное отношение было у старшего поколения ко всему, жизнь человеку дающему, и неважно, личное оно или колхозное.

Когда же мы раскрестьянились?

Расчеловечились-то когда?

Не с ним ли, с тем поколением и его нравственными принципами, ушло сострадание друг к другу?

Кто сегодня остался на земле? Тот, кто либо по своему скудоумию не получил хотя бы среднего специального образования или, на худой случай, рабочей специальности, либо по неумению приспособливаться не смог угнездиться на более перспективном месте. Почему работа в сельском хозяйстве стала столь непривлекательной? Да потому что тяжёлый труд селянина оплачивается такими жалкими грошами, что язык не повернётся их деньгами назвать. А какая оплата, такая и работа. Вот и отучили людей работать на земле, любить её, кормилицу всего сущего.

Но разве её покойная бабушка, разве её тётя Маша и крестный, отдавшие все свои силы далёкому белорусскому колхозу «Рассвет», получали не те же гроши? Тогда почему же они трудились не за страх, а за совесть да при этом ещё и пели?

А может, всё-таки за страх? Тогда почему они пели? Почему трудились до седьмого пота с такими просветлёнными лицами? Почему радовались плодам этого своего труда, тем

самым плодам, от которых им доставались жалкие крохи?

Вере Николаевне иногда кажется, что всё началось с перестройки, будь она трижды неладна вместе с её главным архитектором. Как же, переход на новый уровень отношений с Америкой, которая приветствует амбициозного придурка радостными криками: «Горби! Горби!» Да за это можно не только рассекретить всё, но и Родину продать! А то, что за его спиной зубастые акулы, довольно потирая руки, посмеиваются над этим тщеславным, самовлюблённым клоуном, так это ему невдомёк.

Да и сам-то народ разве умнее его был, если не почувствовал надвигающейся катастрофы? Помнится, в те времена председатель поссовета Пётр Иванович Кравченко частенько произносил одну и ту же фразу:

– Что-то не то мы делаем, если нас наши враги хвалят.

Прав был Пётр Иванович, да только не задумывались мы над его словами, отмахивались и даже посмеивались. Какие враги, если Америка скандирует:

– Мир! Дружба! СССР!

Но, с другой стороны, что могли сделать простые люди, если их голоса ничего не значили, как не значат и сегодня?

Был референдум по поводу сохранения или роспуска Союза?

Был.

Как проголосовал народ?

За сохранение.

А итог?

Союза больше нет.

Потом, вообще, началось чёрт знает что. Разделили всё подушно, выдали людям бумажки, которые ваучерами называли, а потом те же самые дельцы, кто и разрабатывал план этой самой приватизации, скупили их за копейки. Ладно, если кому-то хоть копейку дали за бумажку, а то ведь и по-другому действовали. Вот, к примеру, Вера Николаевна не только задаром отдала приехавшему в их посёлок бывшему второму секретарю райкома все четыре ваучера, а ещё и оплатила приём каждого из них по двести семьдесят рублей, вроде как «услугу», получив взамен квитанцию и четыре липовых договора, гласящие, что отныне она и все члены её семьи будут являться акционерами какого-то «Альфа Капитала» и до конца дней своих получать дивиденды с прибыли этого самого капитала.

До сих пор получают... капитальную альфа-фигу.

Ладно бы одна она, так ведь нет: тогда этот хапуга, бывший второй секретарь райкома, все ваучеры в посёлке собрал, да ещё и денежек подзаработал. Где теперь он и его «Альфа Капитал»? А это никому неизвестно.

Вообще-то, говорят, секретаря того недавно по телевизору показывали. Нет, не в «Честном детективе» – на заседании областного Законодательного собрания.

Не ум цениться стал сегодня, не порядочность, а хитрость, наглость, изворотливость. По-другому начали жить и многожды обманутые люди: кто-то ударился в спекуляцию, которая теперь гордо бизнесом зовётся, кто-то мелким воровством пробивается, кто-то от безысходности спивается. Великой удачей считается, если кому-то повезёт найти приличную работу. Это он, вроде, как счастливый лотерейный билет отхватил.

А бывшие партработники и прочие комсомольские вожаки стали ворами в законе, то есть, ворами, охраняемыми законом, ворами неприкосновенными. Как же их судить-то, если все законы они сами и издают? Под себя работают господа, бывшие не так давно товарищами.

Как-то неожиданно вспомнилась та давняя история из окаянных и трижды проклятых 90-х, случившаяся уже после смерти её мужа. Вообще-то, Вера Николаевна не любит вспоминать о том, как выживало сельское учительство при хронических невыплатах зарплаты, но вот её подработка в библиотеке взяла, да и всплыла в памяти... Чтобы хоть как-то свести концы с концами, устроилась она туда на полставки «офис-менеджера», что в переводе на человеческий язык означает на «пол-уборщицы».

Библиотека была небольшая, но работы хватало. Да тут ещё библиотекарь, дабы не обременять себя лишними телодвижениями, возложила на Веру Николаевну помимо мытья полов, снятия пыли с книг и еженедельной чистки оконных стёкол ещё часть и своей работы, а именно: книги, принесённые читателями, расставлять по полкам в соответствии с ББК. На недоумённый взгляд уборщицы ответила, что это тоже входит в её обязанности. Ответила тоном, не терпящем возражений.

Подивилась несказанно Вера Николаевна тому, что техничка обязана знать ещё и библиотечные коды вкупе с библиографическими! Подивиться-то подивилась, но ничего не сказала – коды её не пугали, она была филологом.

Потом ей пришлось ещё подменять и библиотекаря, которая в связи с большой общественной работой (на своем подворье и огороде), нередко опаздывала на работу основную, частенько уходила раньше времени, а то и вовсе не появлялась. Однако даже и эту нищенскую зарплату уборщицы задерживали, причём, не на месяц-другой, а на гораздо дольше.

Август. Время собирать сына в школу, про обновки для себя и речи быть не могло. Да и махнула она на себя рукой, не в рваньё ходит – и ладно. Но для того, чтобы одеть-обуть сына, чтобы купить учебники, тетради и прочее, нужны деньги. А их нет. Ни от РОНО. Ни от Райкультуры. Со всем нет: ни учительской зарплаты, ни жалких «пол-убор-

щических».

Набравшись смелости, поехала Вера Николаевна в район-центр клянчить хоть немного от уже заработанного. Нет, не в РОНО и не в «культуру» – там ей уже отказали – прямо в районную администрацию.

Ага, вот кабинет с табличкой «Заведующая Райфинотделом Сукачёва».

В шикарном обставленном кабинете за инкрустированным столом на высоком кресле, как на троне восседала роскошная телесами и в богатом убранстве дама с говорящей фамилией. Она величественным жестом Екатерины Второй кивнула вошедшей посетительнице на стул и снисходительно выслушала её просьбу. Вера Николаевна, чтобы не пугать чиновницу большой «замороженной» суммой учительской зарплаты, решила просить деньги только «культурные».

Дама отказала. Как и РОНО. Как и «культура».

– Ну, и куда же нам с сыном теперь идти? На паперть? Воровать? Или сразу на тот свет? – испросила совета Вера Николаевна. Пока ещё очень вежливо.

Дама пожала плечами, лицемерно вздохнула и ответила:

– Извините, но помочь ничем не могу. Сама третий месяц без зарплаты. Иногда не знаешь, что приготовить на завтрак.

– Ай-ай-ай, и вы тоже? – язвительно посочувствовала ей Вера Николаевна, но поинтересовалась, так ли это и какова месячная зарплата вдыхающей. Просто так поинтересовалась. На всякий случай. Всё ещё вежливо, но уже не очень.

Дама смерила просительницу с ног до головы, задержала взгляд на её потрескавшихся от работы руках, покрутила на своих холёных пальцах дорогие перстни, изящным жестом поправила золотые цепи на том месте, где, согласно анатомии, должна была находиться её шея, и пустилась в пространные рассуждения.

– Видите ли, судьбы складываются по-разному. Мы с вами по виду ровесницы, но я без мамы и папы получила высшее образование. Правда, заочное. Тоже, как и вы, техничкой когда-то работала. Теперь вот здесь сижу...

Выразительный взгляд её досказал то, что придержал язык:

– Я-то вот здесь, а ты всё ещё уборщица... даже не уборщица, а половина от неё.

– Видите ли, – подстроилась под её ностальгически задумчивый тон Вера Николаевна, – я ведь тоже без мамы и папы... образование получила. Даже два. Высшие. Одно – университетское. Оно не заочное.

Она поднялась со стула, подошла к столу, оперлась на него обеими руками и, глядя в глаза восседавшей «на троне», негромко и очень спокойно отчеканила каждое слово:

– Я не знаю, на какой срок вы, уважаемая, задерживаете себе зарплату. Меня совершенно не интересует её месячный размер. Мне абсолютно безразлично, что вы, простите, жрёте на завтрак, а равно и в обед с ужином. Но без бумажки на получение всех моих «замороженных» денег я не выйду

из этого кабинета. Вы слышите? Всех! Хотя первоначально я просила совсем немного. Только зарплату технички.

Домой Вера Николаевна вернулась с деньгами. Ей выплатили не только всю задолженность по «офис-менеджменту», но и «разморозили» часть учительской зарплаты. Сын к школе был собран не хуже других. Да и себе она купила зимние сапоги и тёплую куртку – осень была уже не за горами, а она в Сибири очень быстро переходит в холодную зиму.

Через год Вера Николаевна оставила работу в библиотеке. Освободившееся место заняла дочь библиотекаря, которая стала получать полную ставку. Куда уходили полставки Веры Николаевны, она не знает. Да и не хочет знать. Ни к чему. Она к тому времени в довесок к своей учительской зарплате уже начала получать пенсию по стажу. За выслугу. Пенсию платили вовремя.

Вот вам плоды перестройки: интеллигенция оказалась за бортом, а на плаву – отбросы общества.

А может, ошибается Вера Николаевна? Может, не сама перестройка была виной всех бед её многострадальной России, а бездонное море лжи её царьков, в котором и до перестройки топили эту огромную страну вместе с её народом, вместе

с ней, Верой Николаевной, и её детьми? Может, перестройка была только скальпелем, вскрывшим гнойник? Разве до перестройки Вера Николаевна жила лучше? Конечно, нет, потому что нельзя назвать хорошей жизнь в постоянном дефиците и километровых очередях.

Как-то перед Новым годом привезли в их поселковый магазин столовую клеёнку и женские сапожки. Очередь люди начали занимать с вечера и в сорокаградусный мороз, греясь у костра, ждали до утра, до открытия магазина. Никто не уходил из боязни быть вычеркнутым из списка, а это могло быть: тот, кто провёл ночь на морозе, ни за что не согласился бы пропустить вперёд того, кто провёл её в тёплой постели. Тем более, был риск остаться ни с чем – количество товара никогда не соответствовало количеству желающих его приобрести. Близкие люди в этой очереди переставали быть ими, соседи и друзья превращались едва ли не во врагов.

Вера Николаевна тоже до полуночи добросовестно отстояла у костра, потом её сменил муж. В шесть утра вахту приняли неработающие пенсионеры и дети, так как родителям нужно было управляться с домашним хозяйством и отправляться на рабочие места.

Магазин открылся по расписанию, по расписанию начались и уроки в школе. На переменах Вера Николаевна вместе с дочерью и коллегами бегала проверять, не подошла ли

их очередь, благо торговая точка находилась через дорогу. Повезло! Клеёнки ей досталось целых два (!) метра – учительница математики Таисия Карповна уступила свою долю с условием, что в следующий раз Вера Николаевна отдаст ей свой метр дефицитного товара. Сапожек тоже досталось две пары. Все они были невыносимо красного цвета, все одного размера, не налезли на варикозные ноги Таисии Карповны и достались дочери Веры Николаевны... на вырост. Правда, к тому времени, когда выросла дочь, началась перестройка, потом её сменил буржуйский рынок, Сибирь завалили китайским товаром, появился выбор. Те невероятно дефицитные и невыносимо красные сапожки оказались очень грубыми, неудобными, да и, как потом выяснилось, были они вовсе не женскими парадно-выходными, а мужскими и предназначались работникам шахт. Из-за чего же люди в той очереди, что грелась у общего костра, злобно ругались и превращались едва ли не во врагов?

Вера Николаевна вздохнула, оделась теплее, вышла на улицу и, припадая на ноющую ногу, начала очищать от снега тропинку к поленнице, решив, что тротуар в ограде и площадку за калиткой приведёт в порядок позже, когда станет чуточку легче.

Она ни от кого не ждала помощи, она понимала: сегодня

каждый сам по себе, сегодня каждый выживает в одиночку.

Звонок от дочери был неурочным, потому и напугал Веру Николаевну – последние годы она почему-то стала бояться неожиданных звонков. Но Наташа сообщила весть как раз очень даже радостную: Новый год они будут встречать вместе.

– Ты с Пашей приедешь?

– Нет. Ты же знаешь, где он работает.

Вера Николаевна знала, где работает зять, посетовала, конечно, что в праздничные дни получить выходной ему практически невозможно, огорчилась. Вопреки всяким пошлым анекдотам про тещу и зятя, вопреки устоявшемуся стереотипу об их враждебных отношениях, она любила Пашу так же, как и своего сына Диму (ну, разве чуточку по-иному), и была бы очень рада его приезду.

Боль в ноге постепенно отступала.

До приезда дочери оставалось ещё два дня, Вера Николаевна уже управилась со всеми необходимыми приготовлениями к празднику и теперь не знала, чем занять себя. Может, почитать? Но что? Всё, что было привезено из библиотеки дочери, давно перечитано. Скачать из интернета в электронную книгу? Нет, это не вариант, Вера Николаевна давно уже не находит там ничего, что бы её удовлетворило. Боевики,

детективы, фантастика. Современные писатели – за очень редким исключением! – почему-то стали сочинителями, пишут о том, о чём знают лишь понаслышке, но такого накрутят, такого наплетут!

Вспомнилось прочитанный опус одной экстравагантной авторши из Днепропетровска, всю жизнь в городе прожившей и по приезде в деревню заглянувшей через плетень в соседский двор. Боже, как она была поражена увиденным: свинья, видите ли, в грязи купается, землю пятаком роет, а свои естественные нужды справляет там же, где и ест! Как осуждала эта мадам авторша хозяйку подворья, выставив её лень и нерадивость на фоне европейского свиноводства, где чистенькая свиноматка с розовыми поросятами лежит на золотистой соломке.

Ох, и смеялся же ветеринар, когда Вера Николаевна пересказала ему прочитанную чушь, а заодно и поинтересовалась, зачем всё-таки свинья в грязь лезет? Оказывается, она в луже температуру тела снижает до нужного ей уровня, а пятак землёю рыхлит в поисках необходимых витаминных корешков, заменить которые никакие искусственные кормовые добавки не в состоянии.

Что же касается отхожего места, то прокол горе-писачки был просто позором: никакая свинья (ни русская, ни украинская, ни европейская), будь она трижды свиньёй, в отличие от гомо сапиенса, никогда не гадит там, где ест или спит: для

этого у неё есть отдельное, ею же самой определённое место.

Отношение той авторши к кошкам и собакам тоже особое и резко контрастирует с отношением к данным животным сельских жителей. Деревенский люд так невежественен, что кормит братьев своих меньших тем же, что и свиней. А «... собакам нужна белковая пища», то есть, мясо.

Конечно, Вера Николаевна не знакома с женщиной, подворье которой тайком, но очень пристально рассматривала городская чистюля, да и к своим соседям через забор не заглядывает, считая это крайне неприличным, но собака, живущая у самой Веры Николаевны, ест то, что ест и хозяйка. Что же касается белков, то теперь это не проблема – даже в сельских торговых точках есть относительно недорогой сбалансированный собачий корм. Для кошек тоже.

Но более всего поразила Веру Николаевну то, что, по твёрдому убеждению графоманки, «...городские люди, в отличие от деревенских, жалеют кошек и собак, потому что они читают книги и смотрят телевизор».

Ну и как вам такое вот «умозаключение» и ничем не прикрытое высокомерие? Выходит, ошибалась Вера Николаевна, полагая, что люди любят животных по доброте душевной? Оказывается, для того, чтобы любить животных, их и иметь-то вовсе необязательно! Для этого-то и нужно всего-ничего: быть горожанином, читать книги и смотреть телевизор.

Вера Николаевна припомнила давнишнюю историю, свидетелем которой сама оказалась. А произошла эта история в самом настоящем большом городе.

Припав к экрану телевизора, трое подростков с трудом сдерживали слёзы – они совершенно искренне переживали за Белого Бима с чёрным ухом, а потом на лестничной площадке ругали последними словами тех бездушных людей, которые сгубили собаку, «брата их меньшего».

«Зря мы ругаем молодёжь, зря. Нормальная смена нам растёт, хорошие ребятки подрастают», – подумала тогда Вера Николаевна, нажав кнопку вызова лифта.

А днём позже эти «добрые ребятки» – и книги читающие, и телевизор смотрящие! – поймали бездомного котёнка, привязали один конец длинной лески за его детородные органы, другой конец прикрепили к перилам лестницы. Потом затолкали своего «брата меньшего» в лифт и дали лифту старт.

У Веры Николаевны до сих пор в ушах стоит тот отчаянный предсмертный вопль бедного котёнка, она до сих пор корит себя, что не успела войти в подъезд хотя бы минутой ранее.

Нелюди есть везде: и в городах, и в сёлах – и ещё неизвестно, где их больше. Во всяком случае, в своём селе подобного

издевательства над животными она не видела. Может, потому что в селе нет лифтов?

Ещё меньше Вере Николаевне хочется открывать для себя авторов, пытающихся проникнуть в прошлое и дать ему свою оценку: то жизнь придуманного «дворянского гнезда» описывать начинают, то будни Николая Второго и Великих княжон. Зачем? Ведь это давным-давно донесли до сегодняшнего читателя те, кто был тому свидетелем и даже сам принадлежал их сословию.

Вообще, основы многих сюжетов, размещённых на литературных сайтах в виде рассказов, повестей и даже романов, начали казаться Вере Николаевна подсмотренными через забор и нафаршированными собственной фантазией автора, зачастую не только откровенно бездарного, но ещё и совершенно глупого. Она вернулась к Валентину Распутину, Фёдору Абрамову, Виктору Астафьеву... Там нет фанфаронства, там есть только правда, эти люди пишут исключительно о том, что очень хорошо знают: о жизни таковой, какая она есть, о простых людях и их насущных проблемах.

Конечно, и в сегодняшней литературе, и на литературных сайтах тоже есть талантливые авторы, но – единицы, и найти их среди огромного количества графоманов невероятно трудно.

5

Наташа приехала за день до Нового года, разнесла в пух и прах тягостное одиночество матери, собрала и развеяла по ветру её депрессию. Как-то сразу всё пришло в движение, всё закрутилось и завертелось с невероятной скоростью.

Дочь очистила от снега все тропинки, наносила дров в дом и в баню, затопила тут и там печи, не забыв при всём этом о праздничном столе. Она приготовила блинчики с начинкой из красной икры, сделала нарезку для салата, сняла кожуру с мандаринов и красиво разложила их на блюде, предварительно разделив на дольки. На вопрос Веры Николаевны, зачем мандарины-то заранее этак готовить-то, да ещё в таком количестве, Наташа улыбнулась и ответила:

– Не годится в Новогоднюю ночь портить вид стола неэстетичными корками. А что много, так мы и не заметим, как всё в себя закинем, шампанское закусывая. Ещё и мало будет.

А тут и баня поспела.

Ах, баня, баня, баня
Малиновый ты жар,
Берёзовый дух мяты
Да веничек пропарь.

В Сибири баня – это не просто мытьё своего грешного те-

да, это, если хотите, целый ритуал! Веник обязательно должен быть с зелёными листьями, а для этого не только время его заготовки знать нужно, но и выбрать «правильную» погоду в этот день. Да и сушить надобно по всем правилам.

Перед запариванием веник окатывают холодной водой – так он не будет терять листочки и пыль заодно смывается. Потом, минут за пятнадцать до того, как веником начнут пользоваться, его помещают в эмалированное ведро, заливают кипятком и накрывают плотной тканью.

Ах, какой запах разольётся, когда снимешь с ведра накидку да ещё плеснёшь из него на каменку ковш берёзового настоя!

Ещё Вера Николаевна, чтобы изнутри себя охладить и жажду утолить, всегда берёт в баню хлебный квас, приготовленный весной на том же самом берёзовом соке.

Вот в такой жарко натопленной бане мать и дочь смыли с себя прошлогодние неприятности, вдоволь нахлестались запашистым берёзовым веником и напоследок ополоснулись тем же настоем из ведра, разбавленным холодной водой – волосы после этого становятся шелковистыми, блестящими, а тело – атласным и будто невесомым.

– Хорошо-то как! – завернув себя в махровое банное полотенце размером с двуспальную простыню и блаженно развалившись на кровати, расслабленно произнесла дочь.

– Да, – согласилась с ней мать и тоскливо подумала: «Для меня хорошего-то только на два дня, а потом опять бессроч-

ное одиночество. Хотя, почему бессрочное? Мой закат уже не за горами».

Будто прочитав её мысли, Наташа вздохнула.

– Я бы рада чаще тебя навещать, да ведь работа. Сама понимаешь, в бизнесе кручусь, а разве работодателю понравятся частые отлучки его подчинённой? Да и логистика требует моего постоянного присутствия.

Всё понимает Вера Николаевна, вот даже сегодня этот работодатель дочери звонил. Ну, конечно, сначала с наступающим Новым годом её поздравил, пожелал там чего-то, а потом они минут десять говорили про какие-то вагоны, то ли уже на товарной станции стоящие, то ли ещё находящиеся где-то в пути.

Праздничный стол был накрыт довольно прилично, как в старые добрые времена. Шампанское, фрукты и деликатесы вроде красной и чёрной икры привезла дочь, соленья, варения – домашние заготовки, а вот сытные блюда Вера Николаевна уже не первый год готовит из мяса, купленного либо на рынке, либо у кого-нибудь из односельчан. Нынче ей повезло, да так, что даже самой неловко. Саша Извеков, друг её сына Димы, ещё в ноябре привёз Вере Николаевне домашней телятины целых тридцать килограммов и по такой низкой цене, в которую сегодня никто не поверит, а два кило-

грамма так и вообще подарил. Да не только привёз, он ещё тут же отделил мякоть и порубил кости на мелкие части.

Кроме этого, когда Извековы забили кабанчика, это было уже в конце декабря, Сашина жена Света отправила Вере Николаевне новогодний подарок: целую свиную голову на холодец, мяса и сала килограммов на пять. Вера Николаевна пыталась рассчитаться, так Саша, привезший всё это, даже обиделся – подарок ведь.

Конечно, столько мяса одной-то ей ни в жизнь не съесть за зиму, пусть и длится она у них более полугода, но Вера Николаевна весной закатает остатки в стеклянные банки в виде тушёнки, которую так обожают её дети. Раньше, когда они держали своё хозяйство, Вера Николаевна всегда на лето мясо тушила. И одно мясо, и с квашеной капустой.

Саша и Наташу с электрички встретил, до самого дома доставил, а когда она попыталась вручить ему плату за это, так он опять обиделся. Как тогда, когда подарок привёз.

Нет, конечно, зря Вера Николаевна месяц назад думала, что сегодня каждый сам по себе – никто ведь не знал, что ей плохо. Вот когда узнали, так Света Извекова по телефону даже отругала её:

– Что же вы, Вера Николаевна, нам не сообщили? Если надо чего, звоните обязательно!

Раиса Степановна, бывшая коллега и давняя приятельница, узнав о приключившейся с Верой Николаевной беде, сама прийти не смогла – с высоким давлением боролась,

но сразу же своих внучек отправила обслужить болящую.

Правда, к тому времени Вера Николаевна уже и без помощников со всем потихоньку справлялась, а с девочками они отменно почаёвничали.

Женщине опять стало невыносимо стыдно за те нелепые мысли о человеческой черствости. Люди разные. Везде. Всегда. Так и должно быть, потому что не будь зла, как бы мы узнали, что есть добро? Вот что она увидела, когда после той травмы впервые за неделю вышла за калитку? Разметенную соседями широкую дорожку от ограды и до самой проезжей части.

Неправда это, что «сегодня каждый сам по себе», люди в своём большинстве всегда остаются людьми. На том и стоим.

Окинув придирчивым взглядом праздничный стол и не найдя отклонений в сервировке и нарушений в традиционном меню, Вера Николаевна хотела было всплакнуть на радостях, что не одна Новый год встречает, но не успела. Стрелка часов приближалась к заветному числу, и слезопад пришлось отложить до другого случая.

...Через день дочь уехала домой, в свою шумную и суетную городскую жизнь, а Вера Николаевна, проведив глаза-

ми сигнальные огоньки такси, ещё долго стояла на высоком крыльце и слушала звенящую тишину морозного январского утра. Второго в новом году.

Вот и ещё один год ушёл в прошлое. Каким он был? Да обыкновенным. А что принесёт год грядущий? Поживём – увидим. Закат уже не за горами? Возможно. Но не горы окружают её село. Солнце садится за прекрасной сибирской тайгой, которая начинается сразу за огородами, и, как ни посмотри, на первом плане – тайга, а закат – это уже после. Так что Вера Николаевна не будет больше жить в ожидании своего заката. Она будет просто жить.

Иркутск – Веренка.

Январь, 2015.

Последние дни уходящего лета

Она перелезла через забор своего огорода и сразу же очутилась под сенью вековых елей и гладкоствольных берёз – подворье граничит с сибирской тайгой, таинственной и прекрасной. Это её тайга. Это её мир.

Сегодня Вера Николаевна особенно остро ощутила приближение осени. Осени в природе. Осени в её жизни. Услужливая память процитировала незабвенные есенинские строки о благословении тому, что «...пришло процвести и умереть», а в голове рождалось своё, выношенное подсознанием:

Последние дни уходящего лета...
Коснулась листвы желто-красная медь.
И песню мою, что не вся ещё спета,

Пусть в несколько нот, но хочу я допеть.

Успею ль? Смогу ль? Иль сорвусь на той ноте
Которую взять не достанет уж сил?
И птицей, подраненной прямо в полёте...

Стоп! Дальше не надо, потому что в заключительной строке может рифмоваться то, о чём ей думать совсем не хочется. Во всяком случае, здесь, где так царственна осанка деревьев и лёгкий ветерок колышет их густые кроны. Во всяком случае, сейчас, когда в душе полный покой, а сама она находится в согласии с собой и со всем миром.

Это и есть умиротворённость, подумала она и, очистив широкий пенёк от прошлогодней хвои, присела на него. Сквозь густую листву берёз, чуть тронутую легкой позолотой осени, пробились лучи заходящего солнца. Они заиграли на уже пожухлой траве, на белых кроссовках и на чудом уцелевших нескольких ягодах шиповника.

Мир и покой.

Почему люди не могут жить в той же гармонии, в какой живёт её тайга? Ведь в ней, в её тайге, всем хватает места под солнцем. Зачем суетиться, отнимать у другого то, что тебе не принадлежит? Зачем лгать, воровать, убивать? Ради наживы? Но неужели гомо сапиенс не может понять, что на тот свет он с собой ничего не унесёт?

Да... Гомо-то мы, конечно, гомо, но все ли мы сапиенс?
Ей вдруг вспомнился рассказ о чукче, который вытащил

сеть с богатым уловом, но взял всего двух лососей, а остальную рыбу выпустил в море. Вопрос, почему он так поступил, чукчу несказанно удивил:

– А пошто мне столько? Я столько, однако, не скушаю. Скушаю этих, потом опять поймаю.

Вот и смейся теперь над северным человеком, считай его недалеким, смотри на него свысока и сочиняй анекдоты про низкий уровень его интеллекта.

Вера Николаевна встала, поймала медленно падающий, уже покрасневший листок осинки, разгладила на ладони и осторожно положила на пень.

Припомнилась строка классика:

Листок оторвался от веки родимой...

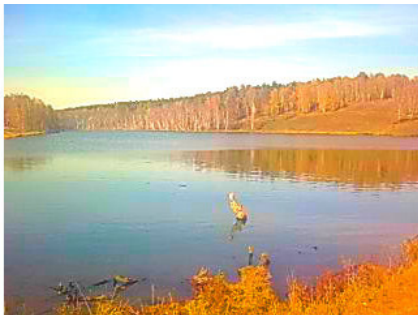
Что-то рановато отрываться от мам-пап листочки начали, акселераты таёжные. Не в срок. Лето-то ещё не кончилось. Ох, детки, детки. Осиновые да берёзовые. Улыбнулась, потому что это она произнесла вслух. Запрокинула голову и увидела чистую, прозрачную голубизну неба. Невесомые облака самых причудливых форм медленно проплывали над остроконечными, как шапки бурят, верхушками деревьев, почти задевая их. Время остановилось. Не было ни войны в Украине, ни беженцев, ни жалкой пенсии, ни немыслимо выросших за последние месяцы цен на самые необходимые продукты, ни её неизлечимой болезни. Не было ничего. Только

она и её тайга. Да ещё последние дни уходящего лета...

Сентябрь, 2014.

Иркутск – Веренка.

Смело топчу я ногой...

Осень приказала перезревшей листве опуститься на землю (покрасовалась, мол, и будет), и листва толстым пестрым ковром покорно улеглась туда, куда велено было. Только не все подчинились суровому приказу: наиболее стойкие золотистые солдатики, несмотря на свою обречённость, продолжали отчаянно сражаться с осенью. Их было немного, силы явно неравны, значит, скоро и эти «герои» падут «смертью храбрых» под порывами холодного северного ветра.

Тропинка едва угадывалась под опавшей листвой, кроссовки почти утопали в ней, но Вера Николаевна уверенно ступала без боязни оступиться, потому что это была её тропа.

Смело топчу я ногой

Вешнюю леса красу.

Прекрасное стихотворение и как будто про этот момент. Вот идёт она по лесу с пластиковым ведёрком (за маслятами подалась, коих после недавних дождей, по словам соседки, видимо-невидимо) и топчет эту самую «вешнюю леса красу». Красиво сказал поэт, только вот многие бездумно повторяют эти строки, а в смысл не особо-то и вдумываются.

Всплыла картинка из далёкого прошлого.

Ванечка Сёмин, круглый отличник по её предмету, бойко, с выражением продекламировал выученное наизусть стихотворение Аполлона Майкова и ждал от неё вполне заслуженной пятёрки.

Но тут троечница Света Козаченко грустно, едва ли не со слезой в голосе спросила:

– Вера Николаевна, а разве можно красу топтать? Ведь это же краса!

– А вот Ваня нам сейчас и объяснит.

Ваня не стал объяснять – думать про красу ему не задавали, а домашнее задание он выполнил. Вот смотрите, в дневнике у него всё записано.

Пятёрку Ваня получил: он ведь зазубрил набор не совсем понятных ему слов и даже выразительно прочитал, нигде не нарушив их порядок. Себе же Вера Николаевна поставила жирную единицу. Не за этот урок. За предыдущий. За тот, на котором она вводила детей в мир поэзии Аполлона Май-

кова и не донесла до них всей прелести этого стихотворения.

А ещё она поняла, что Света Козаченко не «серенькая мышка», как месяц назад охарактеризовала её завуч, листая классный журнал и представляя молоденькой учительнице её будущих учеников, а очень тонкая натура, способная интуитивно почувствовать то, мимо чего может равнодушно пройти отличник Ваня Сёмин.

Сколько уж лет минуло, а она помнит всех своих учеников. Ну, или почти всех. Причём, не только отличников. Помнят ли они её? Наверное, да. Пусть и не все, но помнят. Письма, приходящие по социальным сетям интернета, – тому подтверждение.

Два года назад, получив одно из них, Вера Николаевна долго вглядывалась в фотографию. Открытый, по-детски доверчивый взгляд немного грустных глаз может принадлежать только тому мальчику, мальчику из её невозвратной юности.

Она читала знакомое сочетание имени и фамилии, но не спешила открывать сообщение, которое прислал ей этот немолодой человек – она боялась ошибиться, ведь в мире столько однофамильцев!

«...я так долго искал Вас и, наконец-то, нашёл!»

Не ошиблась. Это, действительно, был он, Коля Иваненко, ученик её самого первого в жизни класса, того самого, о котором Вера Николаевна в самом начале семидесятых упомянула в коротеньком стихотворении...

Вечер веки туч устало смежил
Ветер за окошком глухо стонет.
И чем чаще дождь, тем письма реже
Согревают сердце и ладони.

Груда непроверенных тетрадей
Планов неоформленная масса,
Да ещё забота: как мне сладить
С этим непослушным пятым классом?

А класс был обычным: в меру шаловливым, но вполне управляемым. Просто очень уж хотелось молодой и совсем неопытной учительнице выглядеть степенной и строгой. Слава Богу, ничего из этого не получилось – дистанция между нею и её сорванцами исчезла сама собой.

«... мы с одноклассниками часто вспоминаем, как Вы читали нам «Куртик» и «Бронзовую птицу...»

Да, после уроков она читала своим непоседам те книги, которые обожала сама, а они знакомили её с жизнью своей

деревни, учили вышивать крестиком рушники и петь на два голоса белорусские песни. (Кстати, такие неформальные отношения ничуть не вредили успеваемости учеников.) Именно эти дети помогли ей постигнуть азы искусства общения с ними, чтобы потом, уехав из той белорусской деревеньки за тысячи километров, до самого выхода на пенсию она никогда не испытывала необходимости напоминать классу, кто есть кто. Именно там она научилась никогда не требовать от учеников безоговорочного, то есть, слепого, подчинения, считаться с их мнением и не стесняться признать свою неправоту, если таковая имелась.

Был ли у неё авторитет среди учеников? Она об этом никогда не задумывалась. Но конфликтов, для разрешения которых традиционно вызывают в школу родителей и собирают педсоветы, у неё не было – сор из избы, то есть, из класса, не выносил никто: ни она, ни дети.

Видимо, уже тогда, когда Коля Иваненко был учеником пятого класса, молоденькая учительница навсегда стёрла разграничительную черту между собой и своими учениками.

Прошло много-много лет. Деревню, где она начинала свою педагогическую деятельность, уничтожил Чернобыль. Да и Коля, окончивший Белорусский государственный университет культуры и искусств и ставший преподавателем гимназии в белорусском городе Вилейка, давно уже не Коля, а Николай Михайлович. Это как раз тот случай, когда ученик превзошёл своего учителя. Но случай не единственный:

среди её выпускников есть филологи и журналисты, директора школ и преподаватели вузов.

Вера Николаевна протирает очки, опять долго вглядывается в фотографию. Конечно же, это не Коля, а Николай Михайлович, но в её памяти он так и остался тем же добрым, застенчивым мальчиком с открытым взглядом почему-то всегда немного грустных глаз. И сегодня не Николай Михайлович, а именно Коля Иваненко, преодолев расстояние почти в полвека, пришёл к ней напрямик из своего детства и её невозвратной юности.

«...я так долго искал Вас и, наконец-то, нашёл! Хотя Вы, наверное, меня и не помните...»

«Здравствуй, Коля! Я помню тебя, я помню всё...»

«Спасибо тебе, мой милый мальчик, за добрую память обо мне, которую ты пронёс через всю жизнь...»

А годом ранее её нашла Света. Та самая «серая мышка». Признательные строки её письма чередовались с горечью невосполнимых потерь и заставили Веру Николаевну иными глазами взглянуть на то, что она выжигала калёным железом из своей памяти вот уже много лет. Оказывается, это так просто – выплеснуть с водой ребёнка.

Света, сама ставшая не только матерью четверых славных детей, но даже уже и бабушкой, никак не может смириться со смертью матери. Да и как смиришься, если мама ушла из жизни такой молодой, такой красивой!

А боль в душе, как пламя
Не гаснет много лет,
Сходить бы в гости к маме,
Да мамы больше нет.

Вот и Вера Николаевна тоже никак не может поверить в то, что нет Любы, подруги её задушевной.

И я уже не в силах
Хоть что-то изменить,
Осталась лишь могила – связующая нить,
Да память в сердце самом...

Да, память осталась. И не только у Светы. И не только память. Осталась и благодарность к этой женщине за то, что она была.

Они жили по соседству и дружили семьями. Со стороны это выглядело, наверное, странно, потому что людей, более разных по складу характера, сыскать совершенно невозмож-

но. Амбициозная, вспыльчивая Вера Николаевна, бой-баба с распахнутой настежь душой, и полная противоположность ей – Люба, мягкая, уступчивая, спокойная, рассудительная, а интеллигентности в ней было многим более, чем у её высокообразованной подруги. Да и мужья их были такими же разными: у Веры Николаевны Ильич – под стать Любе, Виктор же – точь-в-точь она, Вера Николаевна. Но вот, поди ж ты, дружили, и именно семьями!

Припомнилась совместная встреча Нового года.

Виктор, простой водитель лесовоза, очень хорошо знал историю и при каждом удобном случае не упускал возможности напомнить об этом окружающим, устраивая им что-то вроде тестирования.

Не обошлось без этого и в ту Новогоднюю ночь.

Как водится, сначала проводили год уходящий и готовились встретить наступающий. С открытой бутылкой шампанского в руке Виктор приступил к своему коронному номеру, без которого не обходилось ни одно застолье.

– Когда умер Павел Первый?

«Экзаменатор» обвёл взглядом притихшую «аудиторию» и остановил его на жене. Люба тут же вскочила со стула, встала по стойке «смирно!» и бойко отчеканила:

– Павел Первый умер в тысяча восемьсот первом году.

– Правильно, садись. Подставляй тару, свою порцию шампанского ты заработала.

Гордый эрудицией своей жены, Виктор налил ей вина

и переместил горлышко бутылки к фужеру Веры Николаевны.

– Назовите-ка, уважаемая, годы правления Николая Второго.

Вера Николаевна не историк, да и по части императоров была не так подкована, как её подруга, потому и растерялась. Попытку Ильича прийти жене на помощь пресёк грозный окрик:

– Не подсказывать! Удалю!

Поднапрягши память, «тестируемая» радостно выпалила почти правильный ответ.

Теперь бутылка дамокловым мечом нависла над фужером Ильича.

– Ну-с, батенька, а с вами мы поговорил о революции.

– Надеюсь, не о Французской? – улыбнулся Ильич и показал на часы. – Давай, наливай авансом, моя Николаевна вон уже тост репетирует.

Да, хорошее было время. Мирное и спокойное. В будни работали, в праздники отдыхали. Растили детей.

У Любы и Виктора их было трое. Две дочки и сын Серёжа. Девочки мало схожи между собой и внешне, и по характеру. Одна – боевая, другая – тихоня. Кто из них старше, Вера Николаевна до сих пор не знает, хотя это и не столь важно – ведь Ира и Света были близнецами.

Время щадило Любу. Вот уже и дочери заневестились, а она оставалась всё такой же красивой женщиной с девичьей фигурой и с лучистыми голубыми глазами.

Володю Лысухина, избранника Светы, Вера Николаевна знала. Этот симпатичный кареглазый паренёк, спокойный, под стать теще, был местным. А вот потенциальный муж Иры – приезжий, и о нём никто ничего толком не знал. Помнится, Люба, очень сдержанная в оценке людей, всё сокрушалась:

– Бесшабашный он какой-то, несерьёзный.

– Ничего, семейным станет, остепенится, – успокаивала её Вера Николаевна. – Они же любят друг друга, а это главное.

Но в глазах подруги сполохами металась тревога, и никакие аргументы не могли её унять.

Вскоре девочки вышли замуж и покинули отчий дом. Уехали.

А потом...

А потом уехала и Вера Николаевна. Уехала, чтобы навсегда вычеркнуть из памяти этот таёжный посёлок и сжечь за собой все мосты. Слишком велика была обида, полученная от тех, от кого и не ожидала. Нет, не от Любы. Люба, вообще, никого не могла обидеть.

В память о подлости людской Вера Николаевна оставила лишь эти строчки, которые твердила, как мантру:

Не узнать вам меня. Я не та.

Та во дне во вчерашнем осталась.
А в душе лишь одна пустота
Да осеннего дня усталость.

Той весёлой и жизнерадостной женщины больше не было. Вместо неё в мире появилась другая – волевая, жёсткая, с наглухо заколоченной душой. С этим ничего не мог поделать даже Ильич. Если бы тогда кто случайно и заглянул в эту душу, то увидел бы выжженную степь да горсть покрытой инеем золы.

Но время неумолимо отсчитывало годы, упаковывало их в десятилетия, и иней начал таять. Появился интернет, а вместе с ним – и бывшие ученики и ученицы. Первой из них нашла свою учительницу дочь Любы. Так Вера Николаевна узнала, что Света с Володей живут в Кемеровской области, их семейная жизнь сложилась на пять с плюсом и всё у них хорошо. А вот Ирина трагически погибла от рук своего мужа.

Ох, это материнское сердце-вещун! Ох, не зря тогда оно у Любы болело!

И ещё одну горькую весть сообщила ей Света:

– Мамы больше нет... Уже давно.

Любы больше нет... Уже давно. А она, Вера Николаевна, узнала об этом совсем недавно.

Вот тогда она и поняла, что не стоит из-за нескольких под-

лых и мерзких людишек сжигать мосты в прошлое. Не стоит и само прошлое вычеркивать из своей памяти. Ведь там, в твоём прошлом, не только одноклеточные ничтожества прозябают, но и настоящие друзья живут.

Там живёт её подруга Люба.

Вера Николаевна присела на свой любимый пенёк и увидела под разлапистой елью семейку маслят. А чуть поодаль – ещё два таких же семейства. Как раз ей на жарёху хватит. С молодой картошечкой да под сметанкой – объедение!

Вера Николаевна не грибница, нет. Да и не ягодница тоже. Просто она любит бродить по лесу, наблюдать за его жизнью и размышлять о своей. Лес для неё больше, чем друг: ему она доверяет все свои горести и радости, с друзьями же делится только радостями. А зачем друзей нагружать своими проблемами? У них и своих хватает.

Вера Николаевна аккуратно уложила в ведёрко крепенькие маслята, прикрыла их бумажным пакетом и пошла по тропинке дальше. Теперь её путь лежал к небольшому озерку, утаившему своё существование от лишних глаз в лесной чаще.

Ей тоже иногда хочется того же: взять и спрятаться от всех и вся. Просто так, взять и уйти ненадолго. Как вот сегодня ушла. Наверное, каждый человек хоть иногда, да желает это-

го. Хотя, с другой стороны, люди и так уже перестали замечать друг друга, тонут в другом мире, в виртуальном. Только этот факт сами от себя скрывают. Или не понимают, или не хотят понимать, что пластмассовый ящик никогда не заменит живого человеческого общения. Вот и Вера Николаевна туда же, в этот ящик сдуру себя затолкала. И что она там нашла? Да ничего хорошего.

Нет, это она зря, есть там и хорошее, вот только мало его. В основном, грязь. Вместо имён у людей какие-то «ники». Даже на литературных сайтах – маскировка.

Против псевдонимов Вера Николаевна ничего не имеет, когда они благозвучны. Но вот как понять, кто написал тебе рецензию, если под ней стоит подпись: «Ещё Один Дождь»? Даже пол этого Дождя не определишь.

Вера Николаевна на своей странице имя и фамилию написала в соответствии с паспортными данными, фото тоже своё выложила, указала место проживания, даже возраста не утаила. Чего ей маскироваться-то? Она не рецидивистка, чтобы скрываться под кличкой, которая в уголовной среде «погонялом» зовётся, а того, сколько ей лет отстучало, так и вовсе никогда ни от кого не скрывала.

Правда, год рождения убрать пришлось, так как он с фото не совпадает, потому что она на всех снимках выглядит всегда моложе, чем в жизни. Посмотрит читатель на неё, сравнит с годом рождения и смеяться будет: «Молодишься, бабушка, снимок-то, наверное, ещё с советских времён». А как

ему объяснишь, что это не так и фотографировалась она специально для «аватарки» на своей странице?

Вообще-то, до событий на Украине (или в Украине?) почти у всех авторов были и места проживания указаны, и фото, а кое-кто так и возраста своего не таил. Теперь же многие из них ушли в глубокое подполье. Зачем?

Сообщать адрес, номер дома и квартиры, конечно, ни к чему, но страну-то свою ведь можно указать.

Теперь Вера Николаевна старается читать только тех, у кого и имя нормальное, без завихрений, и что-то о себе написано. Такие авторы у неё большим доверием пользуются, чем «безликие» и «бездомные». А тех, что под какими-то «никами» непонятными, вроде того Дожда, который, слава Богу, пока Ещё Один, она, вообще, стороной обходит.

Женщина остановилась, поймала летящую нить паутины бабьего лета и вдохнула враз повлажневший воздух. Вот и озеро. Как же вовремя засверкало оно своей лазурной гладью, а то она, эта добровольная пленница интернета, ещё, чего доброго, и на анализ прочитанного перекинулась бы.

Озерко было спокойным и безмятежным, только лёгкий ветерок вызывал рябь, то собирая в пучки отражающиеся на зеркальной поверхности солнечные блики, то разгоняя их в разные стороны.

Вот она, та самая лавочка, которую муж смастерил из подручных материалов: двух пеньков и трех срубленных, да и брошенных здесь же осинок. Срубили их, видно, забавы ради. Мужа давно уж нет, а лавочка оказалась на диво живуча.

Вера Николаевна присела на краешёк немудреного сооружения, вытянула уставшие ноги и огляделась вокруг. Нет, за прошедший год здесь ничего не изменилось. Так же чиста вода в озерке, на том же месте и когда-то «исцелённая» мужем берёза. Никуда не убежала, и никто не тронул её, голубушку. Вспомнила, как пришли они сюда в первый раз. Она тогда поразилась, что озерко не застоялось, не затянулось тиной, а муж объяснил, что оно питается подземными ключами, и показал ей место, где тоненький, но проворный ручеёк уносит из озерка лишнюю воду. Это было ранней весной. Деревья оживали, берёзы исходили соком. А вот одна из них, тогда ещё почти дитё, совсем не радовалась весне. Муж внимательно осмотрел деревцо со всех сторон и показал Вере Николаевне причину: «Видишь, брали сок, но надрез сделан слишком глубоко. Да и молоденькая она совсем, не надо было её трогать. Погибнуть не погибнет, а вот болеть будет долго».

Потом он на берегу озерка наковырял глины, смочил водой, замазал берёзке рану и забинтовал своим шарфом. Шарф, точнее, то, что от него осталось, сняли уже в сентябре, когда окрепшая и подросшая за лето берёзка роняла свои

золотые листочки.

Они часто ходили сюда. И зимой на лыжах, и весной, и летом, и осенью. Теперь она ходит сюда одна. И только осенью. Вера Николаевна даже свой возраст отсчитывать начала не по летам, а по прожитым осеням. Почему? Да кто его знает. Может, потому что родилась не только в последний месяц этой поры года, но и в последний её день? Может, потому что со смертью мужа закончились её лета, даже те, что бабьими называются, а впереди только осени да зимы, и некому залечивать надрезы на её душе, вольно иль невольно людьми сделанные?

Правда, есть ещё вёсны, так это, вообще, не про неё.

Сейчас наступила очередная осень её горького вдовьего одиночества, а всего ею прожито сорок четыре... лет и семнадцать осеней. Да, почтенный возраст.

Спустившись к озерку, Вера Николаевна ополоснула в холодной воде руки и, пообещав лазурной глади встречу через год, пошла той же тропой домой. Дойдя до своего пня, присела отдохнуть. Куда торопиться-то? Дети живут в большом городе, звонят часто, навещают по мере возможностей, но сегодня дом её пуст. Зачерпнув сложенными лодочкой ладонями ворох золотых листьев, она поднесла их к лицу и закрыла глаза. Согретые не по-осеннему щедрым на тепло солнцем, они всё ещё пахли летом.

Кроет уж лист золотой

Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

Ну, надо же, как втемяшилось-то! Прямо заклинило её на этом четверостишии! Будто других стихов на эту тему и знать не знает!

Вера Николаевна вспомнила вчерашнего виртуального собеседника, который написал, что люди воспринимают красоту по-разному: одни преклоняются перед ней, другие боятся, а потому и «топчут ногой». С этим Вера Николаевна была согласна, но попыталась реабилитировать поэта:

«Вешняя леса краса» – это зелёная листва и нежная травка. Весной они, действительно, украшали лес. Но пришла осень, и листья упали нам под ноги. Так что не красу «смело топчу я ногой», а то, что от неё осталось осенью – жёлтую листву. «Смело» – это потому что вешней красе уже не причинишь вреда, время её прошло».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.